

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Развод и девичья фамилия

Татьяна Устинова

Развод и девичья фамилия

«ЭКСМО»

2008

Устинова Т. В.

Развод и девичья фамилия / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2008

Прошло больше года, как Кира разошлась с мужем Сергеем. Пятнадцать лет назад, когда их любовь горела, как подожженный бикфордов шнур, немыслимо было представить, что эти двое могут развестись. Их сын Тим до сих пор не смирился и мечтает их помирить. И вот случай представился, ужасный случай! На лестничной клетке перед квартирой Киры кто-то застрелил ее шефа, главного редактора журнала “Старая площадь”. Кира была его замом. Шеф шел к ней поговорить о чем-то секретном и важном... Милиция, похоже, заподозрила в убийстве Киру, а ее сын вызвал на подмогу отца. Сергей примчался немедленно. И он обязательно сделает все, чтобы уберечь от беды пусть и бывшую, но все еще любимую жену...

Содержание

РАЗВОД И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна УСТИНОВА

РАЗВОД И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

Он был в ванной, когда неожиданно позвонила бывшая жена.

– Сереж, – позвала Инга и поскреблась в дверь, – тебя спрашивает какая-то Кира! Говорит, что она – яд.

– Не яд, – пробормотал Сергей, второпях смывая мыльную пену с волос, – Ятт.

– Что? Сереж, я ничего не слышу. Ты подойдешь или нет?

Он толкнул дверь и высунул руку, в которой сразу же оказалась заморская телефонная трубка из шершавой пластмассы.

– Да.

– Сереж, тебе чай или кофе? – закричала Инга уже издалека, и он прикрыл дверь в ванную.

– Привет, – сказала из трубки Кира, – ты уже завтракаешь или только голову моешь?

– Привет, – поздоровался Сергей. На вопрос про голову он предпочел не отвечать.

Она резвится с утра пораньше, а он потом целый день будет думать невесть о чем. День у него и без того планируется сложный.

– Ты зачем по фамилии представляешься? Или ты думаешь, что я не догадаюсь, какая Кира может мне звонить?

– Кто тебя знает, – сказала она весело, – ты у нас явление загадочное и необъяснимое.

– Я не у вас, – пробормотал он, – я сам по себе.

– А к телефону кто подходил? – продолжала Кира все так же бойко, но его натренированное ухо вдруг уловило легкую фальшь. – Очередная дама сердца?

– Кира, ты зачем звонишь?

Она немного помолчала.

Бывший муж кинул полотенце и беспокойно уставился на себя в зеркало. Кира вздохнула на том конце провода. Вечная его манера – смотреть и не видеть. Если бы в зеркале вместо него вдруг оказалось изображение какого-то другого человека, он вряд ли бы это заметил.

– Сереж, Тимкин класс едет в пятницу в Кострому. На все выходные.

– Ну и что?

– Ну, и я не хочу, чтобы он ехал.

– Почему? – удивился Сергей.

– Да потому, что мы понятия не имеем, чем они там будут заниматься! – начала Кира сразу с высокой ноты, как будто продолжала давний, бессмысленный и надоевший спор.

Впрочем, так оно и было. Именно его она и продолжала, и он даже имел название и краткое содержание – либретто, как балет.

Название было «Плоды неправильного воспитания, или Некудышный отец». Краткое содержание: «Тебе наплевать на собственного сына. От тебя не дождешься даже ерундовой поддержки. Ну скажи, чему ты научил его, как отец?! Рассказывать анекдоты?! Кидать снежки?! Лазать через забор на даче?! Ты что, не понимаешь, что не имеешь на него никакого влияния?! Ты что, думаешь, что, если...»

– Кира, – прервал он ее монолог, хотя она давно молчала – весь монолог он прокрутил в голове, – я не понимаю, почему Тим не может поехать в Кострому, если туда едет весь класс?

– Да в том-то и дело, что не весь! Едут человек восемнадцать, как всегда, все его дружки, и его тоже тянет! А я не знаю...

– А программа есть, – перебил ее Сергей, – программа пребывания? Что они там делать собираются?

– Есть, наверное, – неуверенно ответила Кира.

– Ты не смотрела?

– Нет.

Он вздохнул:

– Ну, и чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты ему запретил.

– Здравствуй! – сказал он сердито. – Почему я должен?!

– Я понимаю, что ты ничего не должен, – отчеканила Кира, – ты никогда ничего и никому не должен, особенно нам. Но я не хочу, чтобы он ехал. Я не уверена, что там за ними станут нормально смотреть. Я не желаю потом никаких неприятностей.

– Каких неприятностей, Кира? Им по тринадцать лет!

– Вот именно.

– Если ты имеешь в виду сексуальную сторону, то я научу его пользоваться презервативом. Специально для этой поездки.

– Ты просто придурок, – тихо сказала Кира, – как это я забыла!..

– О чем, – спросил он, – о том, что я придурок?

Но она уже повесила трубку. Ей все было ясно.

Ей давно все стало ясно.

Странно только, что сначала она ничего не понимала и была так влюблена в него, что ему казалось: даже если солнце повернет в другую сторону, она его не разлюбит. Он отлично помнил, что думал об этом именно такими словами – «солнце» и «повернет». И вправду придурок.

Тогда ей исполнилось двадцать, а ему двадцать четыре – гигантская разница в возрасте. Он был взрослый человек, инженер, а она девчонка, студентка.

С тех пор прошло пятнадцать лет, и ей наконец-то все стало ясно. И ему тоже.

– Сереж, – позвала из-за двери Инга, – ну что ты так долго?! Выходи, я кофе сварила.

– Выхожу, – ответил он.

Под конец их брака он готов был ее убить. Просто взять и убить – застрелить из пистолета или подсыпать яду в чашку. Он не знал, куда ему деться от ее ненависти – она была повсюду. Даже его рубашки, которые она вышвыривала из своей половины гардероба, потом долго пахли ее ненавистью. Он не мог бы этого объяснить, но чувствовал очень остро.

Потом она сказала: «Я больше не могу. Я тебя ненавижу».

И они развелись.

Ну и что? Все разводятся. Из тех, кто поженился в один год с ними, вместе остались только Леха и Ленчик – родили троих детей, опростились и предпочли истинные ценности всему наносному и буржуазному. И еще Дима с Ольгой – эти, наоборот, во все лопатки делали карьеры, деньги, детей, и все им удавалось, и все у них получалось, и дети были красивые и умные, и карьеры – успешные, и домик построился в «тихом пригороде», и родители весело и ненавязчиво помогали им с неразумными чадами, пока еще чада были неразумными, и до сих пор помогают, хотя они уже малость поумнели.

А у Сергея с Кирой так не вышло.

Ну и что? Почти ни у кого не выходит, если не считать Диму с Ольгой, а Леха с Ленчиком не в счет.

– Сережа! Ну это просто невозможно!..

Он распахнул дверь и почти вывалился в коридор. Следом за ним из ванной в коридор повалил пар и закружился, и повис, и зеркало моментально подернулось пленкой.

– Кто такая эта Кира?

– Моя бывшая жена.

– Иди ты!.. – вдруг брякнула Инга, как будто он сообщил, что Кира – королева монархического государства Нидерланды. – А почему она сказала, что она яд?

– Да не яд! У нее такая фамилия – Ятт. Кира Ятт. Ее отец родился в... английской семье.
– Ух ты! – восхитилась Инга, окончательно уверовав в королеву Нидерландов. – Класс какой! А она из Англии звонила?!

– Из Москвы, – буркнул Сергей.

– Как же, – удивилась Инга, – ты же говоришь, что она из английской семьи?

Сергей вдохнул и с силой выдохнул.

Секс был просто замечательный. Просто отличный секс. Но даже за отличный секс он не готов платить такую дорогую цену.

Спать можно. Разговаривать нельзя. Ну, никак нельзя разговаривать! Как будто он говорит на одном языке, а Инга – Катя, Маша, Тома, Таня, Вика, Ира, Лена, Оля – вовсе на другом, причем выучить этот загадочный язык Сергею никогда не удавалось, хотя он пытался.

Или учил плохо? Или ему попадались все не те учительницы?

После Кириной ненависти он не хотел никаких «тех». Он хотел незамысловатых и понятных удовольствий, и получал их сколько угодно, и чувствовал себя неотразимым мужчиной – до той самой поры, пока не приходилось все же разговаривать.

– Ну и что? – крикнула из ванной Инга.

– Что? – спросил он.

– Зачем она звонила, твоя англичанка?

– А... это по поводу сына.

– У тебя есть сын? – изумилась Инга.

Он усмехнулся, завязывая галстук. Так ведь и не научился завязывать его как положено, на шее. До сих пор все завязывал на коленке – так когда-то было принято у них в общежитии. Это очень неудобно, и длина каждый раз оказывалась неподходящей, и Кира говорила, что это «не по-людски», но он не умел по-другому.

– У меня есть сын, – согласился Сергей, – тринадцати лет. А почему это тебя удивляет?

– Ну, ты та-акой... та-акой...

– Ка-акой?

– Ну, ты са-авсем молодой и та-акой свободный!..

Каким-каким, а свободным он перестал быть в те самые двадцать четыре года, когда влюбился в Киру.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

– А чего им надо? – снова выплыла Инга. – Денег, что ли?

– Ингуль, – сказал он, морщась и рассматривая в зеркале свой галстук. Что-то было не так, а что именно, он все никак не мог понять. – Ну какая разница, что им надо? Не от тебя же надо!

– Да мне наплевать, – сообщила Инга издалека. Раздалось непродолжительное шипение, похожее на всплеск, и через некоторое время в носшибанул запах серьезных, совсем не утренних духов. Инга любила именно такие духи, серьезные и крепкие. – Просто чудно. Она вроде никогда тебе не звонила.

Она звонила часто – на работу. С тех пор как они развелись, общение строго дозировалось – всего несколько минут, лучше всего с работы, когда и ему не до нее, и ей не до него. Так проще и безопасней.

Он допивал кофе и думал уже совсем о другом – кто поедет в апреле на выставку в Париж и кто и что станет докладывать на конференции в Техасе, – когда телефон опять зазвонил.

– Пап, – позвал из трубки странный голос – нечто среднее между петушиным фальцетом и шалашинским басом, – это я. Привет.

– Привет, – сказал Сергей, – ты чего?

– Я ничего! А ты чего?

– И я ничего, – весело признался Сергей, – ты по поводу Костромы?
– Мама не хочет, чтобы я ехал, – озабоченно прогремел бас и тут же сменился фальцетом. – Пап, ну что такое-то? Я же не грудной младенец! Все едут, а я чего?
– Все? – переспросил Сергей.
– Ну, не все, – признался его сын, подумав, – ну не все, но почти все! А я?
– Тим, я с мамой не договорил. Я думаю, что она мне еще позвонит, и я постараюсь ее уломать. Кстати, почему она не хочет, чтобы ты ехал?

Тимофей моментально заюлил и стал быстренько и аккуратно запутывать следы, как заяц перед носом у лисы. Прорвавшись через поминутно повторяющийся «ясный перец» и «полный отстой», Сергей сообразил, что дело, очевидно, нечисто. Кира взбрыкнула не просто так.

– Так, – спросил он своим самым отцовским голосом, – в чем дело? Ты что? Начал курить?

Все оказалось еще хуже. На прошлой неделе за школой их застукал завуч. Они пили пиво. Сергей ничего про это не знал.

– Все ясно, – холодно произнес Сергей, – на мамином месте я бы тебя не то что в Кострому не пустил, я бы тебя на цепь посадил!

– Папа!..

– Тим, ты же должен соображать! Давай я привезу тебе ящик пива, ты его выпьешь, и потом мы вместе оценим последствия. Ты же не... павиан, а вся реклама рассчитана именно на павианов!

– При чем тут реклама!

– Вот ты мне теперь попробуй сказать, что пиво вы пили не из-за рекламы! Какое там у нас самое «продвинутое»?

– Папа!

– Тим, я никогда в жизни не поверю, что тебе до смерти захотелось пива! Этого просто не может быть. Я же все про это знаю!

– Зна-аешь! – передразнил Тим. – Конечно, знаешь! А сам ты когда начал пиво пить? В тридцать лет, что ли?!

В устах его сына тридцать лет прозвучало как двести. Сергей усмехнулся:

– Я точно не помню. Лет в восемнадцать, наверное. Мне некогда было, и времени было жалко на пиво!..

– Ну ясный перец!

– Да не перец, – сказал Сергей с досадой, – теперь вот не будет тебе никакой Костромы с друзьями и подругами, а все из-за пива. Оно того стоит?

– Папа! И ты тоже!

– Я не тоже! Если тебе нечем занять мозги до такой степени, что приходится занимать их пивом, я моментально найду тебе дело. Все, Тим. Я не хочу это обсуждать. Я позвоню маме и заеду вечером, если... смогу. Мы все обсудим.

– Нет, – вдруг грустно ответил Тим, – не заедешь ты вечером.

– Почему? – удивился Сергей. Придерживая плечом трубку, он мыл под краном свою кружку. Помыл, сунул на полку и посмотрел на стол. Была еще Ингина кружка, но он не стал ее мыть.

– Потому, – отрезал сын, – ты что? Не понимаешь? У нас сегодня этот козлина ночует.

– Какой... козлина? – не понял Сергей. И как только спросил, сразу понял.

– Мамин! – выпалил Тим. – Козлина вонючий! Припрется и сидит перед телевизором в одних носках! Как будто ему больше не в чем сидеть! А меня он зовет Тимоша! Урод! Ух, как я его ненавижу!..

– Тим. Замолчи.

– Почему я должен молчать?! – Фальцет поехал в обратную сторону и переехал в расстроенный бас, – я его ненавижу! После него в ванной на полу всегда лужа, как будто он на пол писает!

– Тим.

– А жрет, как будто три года голодал! Я его спросил в прошлый раз: может, он житель Сомали, а он захихикал как придурочный! Он на всю голову больной, пап!

– Тим.

– А маму он зовет «Кирха», шутит так, блин! И он привез к нам свой халат! – И разгневанный Тим издал горлом звук, который должен был свидетельствовать о том, что его сейчас вырвет. – Халат, ты представляешь?! По утрам он выходит в халате и говорит мне, что его, блин, никто не провожал в школу, а меня мамочка кормит да еще и возит! Я его убью, пап!

– Тим. Успокойся.

Сергей смотрел в окно, за которым стремительно наступало утро, и совсем не знал, что сказать.

– Зачем вы развелись?! – вдруг прогудел в трубке сын и всхлипнул, отчетливо и глубоко, как в детстве, и Сергей вдруг увидел зареванную мордашу, уткнувшуюся в его свитер, золотистый хохол на макушке, выпяченные от горя губы и розовые кулачки, стиснувшие толстую ткань. Столько раз это было – не сосчитать и не вспомнить. – Ну кто вас просил разводиться?! Ну вы бы тогда не женились, придурки проклятые! Ну, что теперь мне делать?! Ну па-апа!

Ему пришлось некоторое время помолчать и ответить, строго контролируя свой голос:

– Тим. Я... позвоню маме. Мы договоримся, и я заеду. Мы все решим.

– Вы уже все решили, черт бы вас всех побрал! – заорал сын. – Вы все решили, а я должен только слушаться! Жду не дожусь, когда вырасту и... и...

– Сереж, – с досадой сказала Инга, – ты сидишь на моих брюках. Что, теперь мне их гладить, что ли?!

Короткие гудки пронзили барабанную перепонку, а Сергею показалось, что мозг.

– Какие брюки?..

– Ну вот! Мои брюки! Я их положила сюда, а ты...

Он сунул трубку в гнездо аппарата и стремительно прошел мимо Инги, которая подхватила свои портки и теперь держала их на весу, как младенца.

Щелкнул замок, лязгнула дверь.

Инга прислушалась, а потом пошла на звук. Брюки свешивались в разные стороны, полоскались, взблескивали шелком.

– Сережа? Ты где? Сережа?! А я?!

Когда она догадалась выскочить на балкон, джип уже отъезжал, небо отражалось в полированной чистой крыше.

– Сережа!!

Полыхнули красным тормозные огни, злобно взвизгнули колеса, машина как будто прыгнула за перекресток и исчезла из виду.

Настроение было отвратительным. У Киры всегда портилось настроение после разговоров с бывшим мужем, как будто это испорченное настроение могло хоть что-то изменить! Каждый раз приходилось уговаривать себя и утешать, потому что уговоры давно не помогали. Тим тоже неожиданно и не ко времени разошелся, и она никак не могла понять, в чем дело, а когда все же поняла, обозлилась еще больше.

Конечно, все дело в отце, будь он неладен! После разговоров с ним сын всегда впадал в нервное состояние, бросался на Киру и чуть не плакал, а сегодня даже плакал – крупными, детскими, неправдоподобными слезищами. Она с большим трудом выставила его к машине и

видела в окно, как он плетется, волоча облезлый и чрезвычайно модный рюкзак, в широченных штанах, как будто падающих с попы, в уродливых ботинках и нелепой зеленой шляпе, тоже вроде бы очень модной.

Горькое горе.

Кира была умной и современной женщиной, никаких препятствий бывшему мужу не чинила, он мог встречаться с сыном сколько угодно и когда угодно, и бабушка с дедушкой «с той стороны» тоже никуда не исчезли из его жизни, и вроде бы все прошло с «наименьшими потерями», но невозможно, невозможно было видеть лицо сына, когда Сергей привозил его домой, доводил до двери и уходил, корректно попрощавшись с Кирой.

Может, зря она вела себя, как умная и современная? Может, ей нужно вести себя, как скандальная и отсталая баба, просто запретить им видеться?! Может, тогда ее сын скорее бы все забыл и научился принимать жизнь такой, как есть?!

...Зачем она звонила? Ведь знала же, что ничем бывший муж не поможет, будет только с ослиным упрямством гнуть свое, говорить, что Кира поступает неправильно, если хочет уберечь мальчишку от непредвиденных обстоятельств и влияния коллектива! Вот он сам – вырос в коллективе, и ничего, все в порядке!

В порядке, черт бы его побрал!

Как это вышло, что она так его любила?!

Но ведь любила, и ревновала даже, и в Ригу с ним ездила, где жила тогда его бабушка, и хохотали они, и целовались, и по очереди качали кровать, в которой орал новорожденный Тим, а тот все время орал, и Сергей в пять часов утра выходил с ним во двор, чтобы он не перебудил соседей в их тогдашнем хлипком панельном доме на улице Фрунзе!

Кира потерла глаза и прислушалась.

За стеной начальник опять ссорился со своим замом – ссорился от души, во все горло. Весь коллектив, должно быть, уже в курсе, что начальник и зам крупно поругались.

Все мужики – кретины и недоумки, вне зависимости от возраста и положения. Вот свежая и конструктивная мысль.

Про конструктивные мысли Кира вчера вдоволь наслушалась на заседании думского комитета, где она представляла «прессу». Разговоров было море. Конструктивных мыслей – ни одной.

– ...если ничего не понимаешь! – разорвался за стеной начальник Константин Сергеевич Станиславов. Кажется, его матушка была большой поклонницей русского драматического искусства, вот он и стал Константин Сергеевич, да еще Станиславов! – Я не намерен больше печатать бред, который ты мне подсовываешь! Ты сколько денег имеешь с каждой полосы?! А?! Нет, ты мне скажи!..

– И скажу, – орал в ответ зам. Его звали гораздо менее поэтично, всего лишь Григорий Батурин. И статья у него была не в пример импозантному шефу – мешок мешком. – Я тебе скажу, что, если б не мои ребята, журнал давно бы сдох на х.., а ты все руками машешь и...

– Я не машу руками! Я в следующий раз тебе морду набью за такие дела! Кто так поступает?! Ты же в последний момент всю полосу поменял, а у меня...

Кира решительно поднялась со своего места, прошла по поглощающему звук ковро и открыла полированную дверь, за которой происходила баталия. С некоторых пор три главных начальника – Константин Сергеевич Станиславов – ох-хо-хо! – Гриша Батурин и она сама – сидели в смежных комнатах.

Взъяренные мужики как по команде оглянулись на нее и снова воззрились друг на друга, готовые вцепиться друг другу в глотки.

– Брейк! – объявила Кира хладнокровно. – Один – один. Считаю до десяти. Кто первым уберется вон, тот победил.

– Кира, – заговорил Константин Сергеевич, не отрывая взгляда от врага, – я тебя прошу, выйди! У меня важный разговор. Выйди сейчас же.

– Вся редакция уже в курсе ваших важных разговоров, – проинформировала его Кира, подошла к креслу, устроилась, положив ногу на ногу, и закурила. – Пепельницу дай, пожалуйста, Костик.

Костик перевел на нее взгляд – она невозмутимо курила, – моргнул налитыми кровью глазами, нашарил пепельницу и по длинному полированному столу пустил ее в сторону Киры.

Пепельница поехала, закрутилась, сошла с дистанции и свалилась на ковер. Все трое проводили ее глазами.

– А-а, – вдруг завыл Костик, как будто это было последней каплей, переполнившей чашу, – будьте вы все прокляты!

После чего схватил бутылку минеральной воды в кулак, как гранату, и стал яростно дергать пробкой о край все того же, светлого дерева, стола. Пробка упорствовала и не поддавалась, но он все-таки сорвал ее, оставив на полировке безобразные белые следы, – и выпил примерно половину бутылки.

– Слушай, Григорий, – выговорил он, тяжело дыша и утирая рот, – вот я при свидетелях говорю: я тебя уволю. Ты понял или нет? Еще один раз, даже не раз, а... и все. Я больше не могу.

Батурин некоторое время жевал губами, как будто матерился про себя, изо всех сил стараясь загнать мат обратно в глотку.

– А на мое место, – спросил он, перестав жевать, – кого? Ее?

Кира рассматривала свою сигарету.

– Да хоть бы ее, – в лицо ему выплюнул Костик, – она у меня из-под носа ничего уводить не станет.

– Костик, – медленно и отчетливо произнес Батурин, – я у тебя из-под носа никогда и ничего не уводил. Это все вранье. Я вообще не знаю, откуда ты это взял.

– Откуда надо, оттуда и взял, – сказал Костик устало, – все, Гриша. Иди. Я больше не могу.

Батурин еще постоял, изо всех сил стискивая в кулачище подцепленную на столе ручку, потом швырнул ее на ковер и вышел.

Воцарилось молчание – глубокое, как пишут в романах.

– Ну что? – спросила Кира, когда глубокое молчание ей надоело, – повеселили народ? Небось полредакции под дверью стояло! Жаль, ты не догадался в коридоре орать. Для удобства сотрудников.

– Да наплевать мне на полредакции! – вновь начал Костик, схватил бутылку и вылил в себя остатки воды. Обошел стол и, отдуваясь, уселся на свое место. – Так больше нельзя. И вообще нам надо все обсудить!

– Нам – это кому?

– Мне, – буркнул он, – с тобой. Ты как-никак мой второй заместитель.

– Костик, если ты планируешь таким образом перевести меня в первые, я не пойду, и не мечтай даже.

– Почему?

– Потому. Ты же все понимаешь! Ты уволишь Батурина, возьмешь меня первым замом, я поработаю два года, а потом что-нибудь стрясется, и мне придется уйти. Куда я денусь, когда все будут уверены, что я его подставила, чтобы заполучить должность?! Он же не пойдет работать сапожником! Он устроится в соседнее издание и...

– Кира, – прикрикнул Костик, – я твой начальник, а не наоборот! Как я решу, так все и будет!

– Ничего подобного, – хладнокровно ответила она, – я тоже что-нибудь предприму, если ты решишь! И вообще я не понимаю, почему ты на него взъелся! Он грамотный редактор, и пока что никто не уличил его во взятках! А то, что у вас разные взгляды, так это даже хорошо. Я только вчера смотрела рейтинги, и мы опять на первом месте. Мы самый читаемый журнал, Костик, а Батулин, между прочим, тут днюет и ночует, контролирует ситуацию.

– Лучше бы он дома ночевал, черт его побери, а ситуацию я и без него проконтролирую! Я... потом тебе скажу.

– Что? – насторожилась Кира.

– Потом, – морщась, повторил Костик и зачем-то показал глазами на потолок. Кира посмотрела. Потолок как потолок, ничего особенного.

– Потом, – повторил Костик с нажимом, – я тут такое узнал...

– Что?

– Батулин, – выговорил он одними губами, без звука, – потом.

– Костик, – осведомилась Кира, – мы играем в войну?

Он снова завел глаза к потолку и беспокойно шевельнулся в кресле.

– Я к тебе сегодня приеду, – объявил он неожиданно громко после своего трепетного шепота, – вечером, часов после девяти. Поговорим.

– Здравствуй! – сказала Кира и с неудовольствием услышала в этом «здравствуй» интонации бывшего мужа, – ты ко мне приедешь? Я... не готова.

– Да ладно! – вдруг развеселился Костик. – Я к тебе сто раз приезжал, и ты всегда была готова. А теперь что? Или у тебя любовник ночует?

– Любовника выставить не проблема, – ответила Кира небрежно, – я просто не люблю никакой горячки. Давай завтра.

– Нет, – твердо заявил Костик, – сегодня. Мне надо с тобой поговорить. Я на самом деле как-то не очень понимаю, что мне делать дальше. Я тебе расскажу, и мы вместе подумаем.

Кира посмотрела ему в лицо. Лицо было красивое – по обыкновению, и очень обеспокоенное – против обыкновения.

– Ну хорошо, – согласилась она и пожала плечами под безупречной кашемировой водолазкой, – приезжай.

– А любовник?

– Выставлю.

– Ну и отлично. Слушай, посмотри за меня первую полосу, что там в колонке главного редактора навалили, а?

– Ты что, – удивилась Кира, – не сам писал?

– Нет, – буркнул Костик, – Верочка писала. Я замотался что-то.

– Верочка?! – изумилась Кира. – В твоей колонке?! Господи, а почему я не могла написать?! Или Батулин?! Как бы ты с ним ни лаялся, он бы все равно лучше Верочки написал!

– Кира! – закричал шеф и даже головой затряс, как эпилептик. – Я тебя умоляю, посмотри колонку! Если надо, перепиши! И иди отсюда, а?! У меня в два совещание в Минпечати, и еще эта должна прийти... дура из отдела новостей!

– Какая... дура из отдела новостей?

– Да бог ее знает! – как бы совсем потерялся шеф. – Ну, дура! Молодая такая! Она в прошлый раз президента назвала Василий Васильевич! Ко мне прибегает Магда Израилевна, приносит материал и говорит: «Не знаю, что делать, второй раз за неделю такие ляпы! А уволить не могу, папочка у нее!»

– Аллочка, что ли? – сообразила Кира.

– Да не знаю я! Не редакция, а публичный дом: Верочка, Аллочка, Розочка...

– Магда Израилевна, – подсказала Кира. Ей стало смешно.

Конечно, корреспонденту столичного политического еженедельника «Старая площадь» непростительно было не знать, что президента зовут вовсе не Василий Васильевич, а также и не Виталий Витальевич, а заодно и не Вениамин Вениаминович, но Костик кипятился как-то уж очень отчаянно, как будто переигрывал немножко. Да еще глаза возводил к потолку, что, очевидно, должно было означать, что в люстре у него подслушивающее устройство. В кино всегда возводили глаза к потолку, когда намекали на прослушку.

Что на него нашло? Какая прослушка? При чем тут Батурин?

– Кира, – вслед ей попросил Костик, – скажи Раисе, что я эту дуру из новостей на полчаса раньше жду! Пусть она ее найдет.

– Ну, пусть найдет, – пробормотала Кира.

Им обоим было хорошо известно, что найти сотрудника вне стен родной редакции почти невозможно, журналисты уходили «на задания» и исчезали, как будто подвергались дематериализации. Через некоторое время они объявлялись, и никому никогда в голову не приходило выяснять, где они были и что именно делали. Лишь бы материал сдали вовремя.

Так что не найдет Раиса «эту дуру из новостей», если только та не сидит на собственном стуле за собственным компьютером в собственной комнате.

Кира открыла дверь в крохотную приемную, чуть не стукнув по носу Верочку Лещенко. Верочка маялась прямо под дверью – Кира была уверена, что подслушивала.

– Привет, – выпалила Верочка и засияла глянцевой улыбкой, – я тебя жду. Или Костика.

Главного редактора почему-то все именовали Костиком, хоть и лет ему было почти сорок, и выглядел он скорее как Константин Сергеевич, нежели как Костик.

– Привет, – сказала Кира, – я уже освободилась. Ты хотела колонку показать?

– Ну да, – смущенно призналась Верочка.

– Верочка, здравствуй! – провозгласил из кабинета шеф. – Написала?

– Написала, – подтвердила Верочка и зарделась. Она всегда краснела, когда шеф к ней обращался, вот такая была застенчивая. – Я старалась, чтобы получилось в вашем стиле, но я точно не знаю...

– Кира посмотрит. – Костик вылез из-за стола и остановился в дверях, упершись руками в косяки.

Широченные плечи, пиджак «Хьюго Босс», стрелки на брюках, свежая стрижка, смуглая кожа – и загар не какой-нибудь там искусственный, а австрийско-горнолыжного происхождения.

Кира отвернулась, а Верочка продолжала смотреть на шефа как зачарованная. Поймав ее отражение в стекле книжного шкафа, Кира усмехнулась. Однажды в Лувре она попала в самый центр японского туристического торнадо. Перед Джокондой японцы стояли точно так же, как Верочка перед Костиком, и одинаковые желтые лица были одинаково непонимающе восторженными, как у Верочки.

– Рая, – сообщила Кира секретарше, – визит барышни из отдела новостей переносится на полчаса раньше. – Костик в дверях согласно кивал. Кире стало смешно – чего он кивает? Раз уж вышел, говорил бы сам! – Константин Сергеевич просит вас найти ее и предупредить.

– Где же я ее найду, если ее на месте не окажется? – недовольно спросила секретарша. – Домашний есть у нее, не знаете, девочки?

«Девочки» – Кира с Верочкой – покачали головами.

– Вера, пошли ко мне в кабинет, я посмотрю материал.

– Чайку? – спросила Раиса и посмотрела на Киру поверх очков. Палец был плотно прижат к тому месту в списке сотрудников, где, очевидно, значилась «дура из отдела новостей». – Кофейку? Или сама поставишь?

– Конечно, поставлю, – согласилась Кира.

– Я вечером заеду, – в спину ей сказал Костик.

– Только ты позвони сначала, – напомнила Кира.

– Ну, ясный перец.

Кира закатила глаза. Этот «перец» вконец извел ее редакторское ухо. Тим практиковал его к месту и не к месту, и его друг Илюха тоже, и в редакции он носился от одного сотрудника к другому, как метеор! Кто его придумал, этот перец дурацкий!

– Костик, – предупредила Раиса у нее за спиной, – если ее на месте нет, я не знаю...

– Ладно-ладно, – бросил шеф, и дверь за ним закрылась. Кира знала по звуку, как закрывается каждая редакционная дверь.

...И все-таки почему Костик?

Никому и в голову не приходило называть ее бывшего мужа Сережик, а ведь они с Кости-ком ровесники, и Сергей в своей конторе такой же начальник, как Костик – в своей. На работе его звали исключительно Сергей Константинович, хотя неудобно это было и длинно, и язык непременно запутывался между всеми «т» и «н». Может, просто среда другая?

– Тебе чай или кофе? – Кира была недовольна собой и поэтому говорила громко, громче, чем всегда.

Бывший муж вторгся в ее мысли слишком бесцеремонно, и она не знала, как теперь от них избавиться.

Верочка ничего не знала про Кириного бывшего мужа, который застрял в ее мыслях, слышала только громкий недовольный голос и смотрела на Киру с некоторой опаской и некоторым излишком преданности.

– Не обращай внимания, – сказала ей Кира, – я просто думаю о другом. Так чай или кофе?

– Кофе, – выбрала Верочка. – Кир, а почему он меня попросил колонку за него написать? Ему... нравится, как я пишу?

Скорее всего попросил потому, что ее мордашка первой попалась ему на глаза, подумала Кира. Это очень в духе Костика. Самому писать лень. Замов искать лень. Ну пусть хоть вот эта напишет, хорошенькая! Потом в случае чего перепишем!

– Я не знаю, – ответила Кира, не придумав ничего получше. Она понятия не имела, как пишет Верочка, и не хотела авансом говорить, что та пишет хорошо. Просто чтобы потом не сказать, что материал плохой. – Давай посмотрим.

Ее бывший муж Сергей Константинович, которого только-только удалось загнать в темный угол, опять нагло влез в самую гущу Кириных мыслей.

В отличие от большинства мужчин, впавших в популярный нынче «кризис среднего возраста», вышеупомянутый Сергей Константинович девчонок не любил, особенно на работе.

«Мне проще все сделать самому, чем тридцать три раза объяснить, что нужно, потом три часа ждать результата, а потом переделывать заново».

Пожалуй, в этом Кира была с ним согласна.

...Зачем она о нем думает, будь он неладен! Все из-за Тима с его Костромой! Надо было сказать Сергею, что накануне их сын в компании с другом Илюхой надергался за школой пива, и дело именно в этом, а не в том, что Кира вознамерилась оградить его от жизни и... как это говорится?... да, привязать к своей юбке.

Кира в жизни не носила юбок.

Дело оказалось не так уж плохо. Стиль был неплох, и тон выбран правильный, и даже похоже на то, как обычно писал сам Костик – наверное, проглядела подшивку!

– Все ничего, – сказала Кира с удовольствием и посмотрела на Верочку. Та немедленно покраснела и спряталась за свою кружку. – Только вот здесь надо переделать. Добавить фактуры, ну ты понимаешь.

Кира закрыла файл и отпила из кружки.

– Переделай. Я посмотрю, а Костик туда что-нибудь добавит. Очень неплохо. Молодец.

– Спасибо, – пробормотала Верочка, – мне было... очень страшно. Можно, я сначала тебе покажу, когда переделаю?

– Ну конечно! Я же говорю, что посмотрю. И Костику скажу, что ты молодец.

Верочка улыбалась совсем другой, не глянцевой, а искренней и свободной улыбкой.

– Кир, а из-за чего они с Батуриным поссорились? Я только приехала, вошла в коридор и слышу, как он орет. Если бы он на меня так заорал, я бы умерла, наверное.

– Не умерла бы, – отрезала Кира, – на нашей работе нельзя умирать из-за того, что начальник орет. Он все время орет, сколько я его помню.

– Ты... давно с ним работаешь?

– Лет пять. Как только появился журнал. Он был редактором, а я корреспондентом. Потом я стала редактором, а он ответственным. Теперь он главный, а я его заместитель.

– А Батурин?

– Что – Батурин?

– Он тоже... с вами начинал?

– Батурин пришел года два назад. Он был военный корреспондент где-то на телевидении. Потом вышла какая-то история, я точно не знаю. – Кира все знала совершенно точно, но Верочке рассказывать не собиралась. – Его ранили, он до сих пор хромает. С камерой по ущельям скакать больше не может, вот и работает у нас.

– Григорий? – недоверчиво переспросила Верочка. – С камерой по ущельям? Ты его ни с кем не путаешь?

– Я ни с кем его не путаю, – отчеканила Кира, и Верочка моментально сообразила, что на этот раз выбрала неверный тон. Сообразила и немножко струхнула.

– Налить тебе еще или больше не будешь?

Верочка быстренько и подобострастно отказалась и выскочила из кабинета в приемную.

– Поговорили? – дружелюбно спросила секретарша Раиса. – Чайник у нее горячий небось? Пойти, что ли, чайку налить, пока главный занят...

– У него кто-то есть? – спросила Верочка, замирая от благоговения.

– Из новостей. – Раиса выдвигала один за другим ящики стола, искала кружку, нашла и посмотрела скептически – мыть или не мыть. Решив, что мыть не стоит, она выбралась из кресла и постучала к Кире: – Я у тебя чайку налью, Кира?

Верочка прислушалась.

Главный опять бушевал – не так громко, как полчаса назад, но все же в приемной и даже в коридоре было слышно.

– Я вас уволю к чертовой матери, – кричал он за тонкой стеной, – и мне плевать, где вы работали раньше и что вас сюда пристроил ваш папа! Пусть тогда папа приходит и пишет! Что это такое – за час до сдачи номера такие выкрутасы! Что вы себе позволяете?!

Верочка еще немного послушала его крики – как музыку, потому что очень гордилась собой. Ей-то строгая, чопорная и холодная акула Кира Ятт сказала, что «все ничего»! Она, Верочка, написала такой материал, что сама Кира сказала «ничего»! Это было несколько ниже Нобелевской премии по литературе, но все же выше Букеровской – по крайней мере, она именно так это себе представляла.

Верочка вырулила из приемной и тихонько прикрыла за собой дверь. Она была в самом конце коридора, когда ее обогнала высоченная патлатая девица, похожая на внезапно испуганную дикую лошадь. Каблуки у нее стучали, глаза были полны слез, и папка, которую она судорожно прижимала к плоской груди, выглядела щитом – последним оплотом погибающего воина.

– Привет, – с любопытством проговорила Верочка.

– Привет, – выдавила девица, – я... тороплюсь очень, извини.

Оно и видно, подумала Верочка. Небось папе нужно срочно позвонить, наябедничать. Главный, конечно, не подарок, зато умен, хорош, и журналист блестящий, и мужчина хоть куда – не справиться тебе с ним, дорогая. Даже с помощью папы не справиться! У главного скорее всего свой папа имеется, и ничуть не хуже твоего, а может, даже и лучше.

Девушка, по-лошадиному переставляя длинные ноги, неслась в сторону отдела новостей, когда наперерез ей выдвинулся откуда-то Григорий Алексеевич Батурин. Выдвинулся так неожиданно, что они столкнулись, и девушка даже покачнулась.

– Простите, Григорий Алексеевич, – сказала она хрипло, – я... тороплюсь.

– Ничего, – ответил Батурин после паузы, – все в порядке.

Очевидно, не все было в порядке, потому что он как-то судорожно перехватил палку, на которую опирался, и даже на секунду взялся рукой за белую стену.

Кобылица сделала движение, как будто намеревалась его поддержать.

– Спасибо, не нужно, – твердо сказал он, – я же говорю, что все в порядке.

Просто так таращиться на них, стоя посреди пустого коридора, было неловко, а Верочке очень хотелось посмотреть продолжение. Особенно после того, что рассказала акула. Собственно, она почти ничего не рассказала, но бывший военный корреспондент – боже мой, как романтично! – заинтересовал Верочку, которая раньше на него не обращала никакого внимания.

Она думала только одну секунду, потом вытащила из кармана пиджака оставшуюся с прошлого лета карточку метро и нырнула под блестящий панцирь настенного телефона.

А что такого? Может, ей срочно нужно позвонить! Журналисты то и дело звонили по этому телефону, она сама видела. Карточку она сунула в прорезь и сняла трубку. В трубке громко гудело, мешало слушать. Верочка набрала цифру «два».

– Простите, пожалуйста, – смиренно попросила кобылица еще раз, – я плохо вижу и очень спешу...

– Вы из отдела новостей? – спросил Батурин как-то неуверенно, как будто не сразу вспомнил, как называется отдел, – вас главный вызывал. Правильно?

– Правильно, – согласилась девушка, отвернулась и некрасиво шмыгнула носом, – я должна идти, извините.

– Вы что? – Голос у зама был подозрительный. – Ревете, что ли?!

Верочка на миг высунулась из-под панциря, взглянула, спряталась и набрала цифру «три».

– Я... не... реву, – по слогам ответила кобылица, и стало понятно, что она именно ревет, – у меня неприятности.

– Понятно, – мрачно сказал хромой зам главного. – Реветь бросьте. Костик часто устраивает шум по пустякам. Правильно я понял? Вы от Костика идете в такой истерике?

Девушка вдруг сорвала очки в модной крошечной оправе и стала судорожно шарить по карманам. От Батурина она отворачивалась.

– Я не... понимаю, правда, не понимаю... за что он меня так...

– Почему вы не понимаете? Он что, не объяснил, в чем дело?! Я не верю, что он вам не объяснил, за что!..

– Да знаю я, за что! – перебила его девушка, выхватила из кармана платок и принялась судорожно протирать стекла. Губы у нее кривились, как в предсмертных судорогах. – В том-то и дело, что знаю!

– А чего ревете?

– Я не реву!

– Ревете.

– Я реву потому, что это... это... не я!

– Как – не вы? – искренне удивился Батурин и переступил. Скрипнула его палка. – Если это не вы, то где тогда вы?!

– Нет, – она вдруг улыбнулась, – я – это я. Просто я не делала ничего из того, за что он меня... когда он меня... а я даже не смогла... а я ничего, ничего этого не делала!

В конце коридора показался Леонид Борисович Шмыгун, и зам с кобылицей как по команде замолчали.

– День добрый, Григорий Алексеевич.

– Здравствуйте, Леонид Борисович.

– Я к вам наведу по позже. Вы будете на месте?

– Пока никуда не собираюсь.

– Непременно наведу.

Верочка уставилась на свой телефон и, соблюдая конспирацию, стала набирать все цифры подряд. Леонид Борисович прошел, слегка кивнув в ее сторону. Она тоже слегка кивнула под прозрачным панцирем и нажала отбой. За Львом Борисовичем по коридору волочился густой шлейф дрянного одеколona. Верочка сунула нос в свой рукав, чтобы переждать вонь.

– Я ничего не понял, – негромко сказал Батурин, – что это значит? Вы или не вы или кто там еще! Объясните.

– Не хочу я ничего объяснять, – с тоской произнесла девица, – все равно вы мне не поверите! Ну, не писала я в материале, что Гонконг – европейский город с европейской же культурой! И президента Василием Васильевичем я тоже не называла!

– Гонконг? – переспросил Батурин с сомнением. – Василий Васильевич?

– Ну вот видите! – опять закричала девица. – Конечно, все дело в том, что я такая идиотка, и у меня папа, которым меня все попрекают! Что мне теперь, другого отца найти, что ли?! А про Гонконг я не писала! Я понятия не имею, откуда он взялся в тексте! И я знаю, как зовут премьера, президента и всех остальных! Я же не сумасшедшая!

– Тогда откуда главный это взял?..

– Из моего материала!

– Ну, вот видите.

– Да говорю вам, что я ничего этого не писала!

– А кто писал, – спросил Батурин холодно, – ваши враги? Вам подменяют материалы? Конкурентная борьба за место под солнцем?

Девица кое-как напялила очки и посмотрела на Батурина свысока. Она была почти одного с ним роста.

– Простите, Григорий Алексеевич, я должна идти. Мне как раз будет звонить папа. Может, мне подать на родителей в суд? Их лишат родительских прав, и я перестану всех раздражать!

Батурин усмехнулся.

– Лучше проверьте ваш компьютер на вирусы, – неожиданно посоветовал он. Девица уставилась на него. – Сын Киры Ятт недавно нам удружил один. Десять слов печатаешь, а одиннадцатое – матом. На мониторе все чисто, а из принтера лезет во всей красе. Проверьте.

– Хорошо, – растерянно пробормотала она.

– До свидания.

– До свидания, Григорий Алексеевич.

– Да, и не рыдайте больше в коридоре! – негромко сказал он ей вслед. Она обернулась как ужаленная. – У нас не приняты публичные рыдания. Сожрут.

Он повернулся к ней спиной и зашагал по коридору в сторону Верочки, сильно опираясь на свою палку. Девица еще несколько секунд смотрела ему в спину, а потом пропала за поворотом коридора.

Верочка сунула трубку в гнездо и выдернула из прорези карточку. Батурин проковылял было мимо, но вдруг приостановился.

– Этот телефон бесплатный, – сообщил он Верочке, – зря вы так старались.

– Я не старалась, – пролепетала она, – я звонила...

– Ну конечно, – согласился Батурин и потащился дальше.

Верочке он моментально разонравился.

Скажите, какой наблюдательный! Все заметил! И хромота у него не романтическая, тяжелая хромота, натужная, некрасивая. И сам мешок мешком! Как это он пробился в первые замки!

Наплевать на Батурина, решила Верочка.

Утром в редакции стало известно, что накануне вечером Костик был убит в подъезде дома Киры Ятт, которой он назначил романтическое свидание.

Его нашла бабка-вахтерша, которую за каким-то чертом понесло на последний этаж «проверить двери», хотя никаких дверей там не было, особенно таких, которые нужно проверять.

Время близилось к одиннадцати, и Марья Семеновна отправилась «проверять двери», и ее вопль, подобный иерихонской трубе, сотряс подъезд.

Приехала милиция.

«Газик» с надписью «Дежурная часть», освещая двор всполохами мигалки, бодро подскочил к подъезду, и из него выбрались усталые равнодушные мужики с кирпично-чугунными лицами и затылками. Им было наплевать на Марию Семеновну, которая заливалась слезами, наплевать на Киру, которая никак не могла прийти в себя и от этого непрерывно курила, и на Тима наплевать, чья бледная и возбужденная физиономия торчала в дверном проеме, и на Костика, который лежал, неестественно вывернув руку – живые так не выворачивают руки, – а его портфель валялся в стороне, как будто он никак не мог до него дотянуться.

Из соседей на лестницу почти никто не вышел, кроме тех, кто жил с Кирой на одной площадке и которых тоже пробрал до костей вопль Марьи Семеновны. Все остальные сделали вид, что ничего не происходит – частная жизнь, черт побери, гораздо важнее трупов на лестнице!

Вокруг Костика ходили чужие люди, присаживались на корточки, фотографировали и клали короткие линейки, как будто мертвый Костик был жуком, которого следовало поместить в энтомологическую коллекцию.

– Ну чего? – спросил с площадки милиционер, опоздавший к началу действия.

– Огнестрел, – откликнулся тот, который сидел на корточках, и они оба глубокомысленно закурили.

Примерно на половине сигареты – наблюдательная журналистка Кира знала это совершенно точно – они решили, что Кира должна быть в курсе, почему убили Костика, и даже вполне вероятно, что именно она все это и устроила. Они продолжали преувеличенно внимательно смотреть друг на друга, а потом один из них – тот, что сидел на корточках возле Костика, – оглянулся и как будто тоже приложил к Кире линейку, измерил с головы до ног.

Она это действие выдержала с блеском, по крайней мере, ей так показалось. Ничего особенного. Эту линейку к ней прикладывали миллион раз. Пережила и сейчас переживает.

Он двинулся к ней, на ходу доставая удостоверение из внутреннего кармана дешевой кожаной куртки.

– Капитан Гальцев, Андрей Степанович, – представился он, подойдя, и сунул ей под нос удостоверение, с которого свешивалась толстая никелированная цепь и пропадала в кармане. Кира подумала, что капитан Гальцев Андрей Степанович намертво пристегнут к своему удостоверению. Потом он произнес какую-то невнятицу, в которой проскальзывали известные ей по фильмам слова «РОВД» и «отделение номер такой-то». Кира кивнула.

– Хотите сигарету, – предложила она, – и, может быть, пойдем в квартиру?

Сигарету он только что бросил прямо на чистый, как будто отмытый шампунем, плиточный пол, и теперь она там лежала, скрюченная и сплюснутая, и отравляла ему жизнь.

Женщина была бледна и держалась прямо, с преувеличенным достоинством.

То ли боится, то ли переживает, решил капитан. Посмотрим, что тут у нас такое. Капитану не хотелось, чтобы это был «глухарь» – квартал кончается, надо бабки подбивать, статистику наводить, а тут – бац! – «глухарь»!

– Пойдемте, – еще раз пригласила она. В голосе была напряженная настойчивость. Капитан оглянулся на площадку и понял, в чем дело.

Мужики в грязных белых халатах взваливали на носилки труп – мертвые руки мотались по бокам, один щегольской лакированный ботинок слетел с ноги, и открылась узкая ступня в черном носке, капли черной крови падали на плиточный пол – не потому, что убитый все еще истекал кровью, а потому, что его одежда насквозь пропиталась ею.

– Костик, – пробормотала женщина, и капитан Гальцев посмотрел внимательно, – господи, этого *просто не может быть* !..

– Чего не может быть?

Она не взглянула на него и не ответила.

На площадку пятого этажа выходило две квартиры. В дверях одной из них маялся худосочный мальчишка в широченных штанах, майке навывпуск и босиком. Вид у него был одновременно любопытный, испуганный и брезгливый.

– Мам, ну что там, а?

– Приехала милиция, – спокойно ответила она, – ты же видишь. Сейчас Костика увезут.

Капитан с некоторым уважением подумал, что она не стала кричать, что «там ничего, и это совершенно не твоё дело, и сколько можно повторять, чтобы ты шел спать!». Ведь ему понятно, что никакими силами она не загонит мальчишку спать, что он уже все видел, а потому скрывать от него «правду жизни» глупо.

– Проходите. – Она пропустила капитана вперед. – Я могу оставить дверь открытой, чтобы ваши... коллеги могли зайти.

– Хорошо, – пробормотал капитан.

Протискиваясь мимо нее, он услышал, как она пахнет – дорого и свежо, – и оценил длинную шею, плотные ноги, упакованные в джинсы, и довольно... большую грудь под свободным домашним свитером. У нее была странная прическа. Такие прически капитан видел только в рекламных роликах – сзади никаких волос, а спереди длинная лохматая выстриженная челка. Когда она пыталась заправить ее за ухо, на правой руке звякали два браслета. Больше никаких украшений не было.

Капитан посмотрел – обручального кольца тоже нет. Впрочем, это ничего не означает. В паспорте у нее написано, что разведена относительно недавно, год или около того. Может, она колец вообще не носит.

Интересная женщина. Очень интересная женщина. Не размазня, не рохля, не трусиха.

Ну и что?

Пока ничего.

– Вы знали убитого? – в спину ей спросил капитан.

– На кухню пойдем? – не отвечая, предложила она.

– Как хотите, – пробормотал тот.

– Кофе? Чай?

– Ведро водки, – пробормотал капитан себе под нос. Она не должна была слышать, но слышала.

– Ведра нет, – сказала она решительно, – но немного есть. Хотите?

– Я на работе! – возмутился он с некоторым излишком праведной досады. Она его смутила.

– Тим, ты тоже будешь чай, конечно?

– Буду, – прогудел откуда-то мальчишка, и опять она не стала говорить, что «давно пора спать». И правда умная женщина.

– Это Костик, – неожиданно сказала она, – Константин Сергеевич Станиславов, мой начальник. Главный редактор еженедельника «Старая площадь».

Гальцев длинно присвистнул.

Вот только главного редактора ему и не хватало под конец квартала! Будто все у него было в полном шоколаде, не хватало только журналиста с аккуратной дыркой в животе! Вот за эту подлую подлость он просто ненавидел свою работу!

Главный редактор, мать его!..

Сейчас, через полчаса, на «место происшествия» пожалуют все ведущие телевизионные каналы и все проментовские и антментовские передачи – от «Дорожного патруля» до «Человека и закона»! Завтра все газеты напишут про убиенного – какой был пламенный борец, настоящий журналист, честный и неподкупный. Савик Шустер объявит, что все это – политический заказ и покушение на свободу слова. «Независимое расследование» затеет независимое расследование и нарасследует какую-нибудь дичь, в результате чего окажется, что во всем виноваты менты – то ли они его сами пристрелили, то ли отнеслись без должного внимания, а если уж, оборони боже, «глухарь», тогда прости-прощай квартальная премия и благодарность в приказе!..

Так. Надо быстро найти того, кто его замочил, чтобы к приезду «средств массовой информации» уже был готовый подозреваемый.

Ну, пусть хоть эта баба!..

– Садитесь, – предложила она Гальцеву, – сейчас будет кофе. Вам с молоком, с сахаром? Он пожал плечами и сел на широкую табуретку веселого деревянно-желтого цвета.

– Он к вам приехал?

– Ну, конечно, – сказала Кира, – он хотел со мной поговорить.

– О чем?

– Я не знаю. – Она достала сахарницу и перелила молоко из пакета в маленький серебряный молочник. – Почему-то на работе он мне ничего не сказал. Сказал только, что вечером приедет, чтобы поговорить. И все.

– Во сколько он должен был приехать? – спросил капитан, нацеливаясь на свою записную книжку.

– Я не знаю, – ответила она с досадой, – по-моему, после девяти.

В записной книжке лежал ее паспорт, который он смотрел, как только приехал «на вызов».

Кира Михайловна Ятт – вот наградил бог фамилией! – тридцати пяти лет, разведенная, незамужняя, сын Тимофей Сергеевич Литвинов, тринадцати лет. Родилась – капитан вздохнул протяжно – в городе Лондоне.

...Знаете такой город, капитан Гальцев? Говорят, неплохое место для жизни!..

Почему она там родилась, да еще тридцать пять лет назад? Какой это у нас год-то был? Шестидесят седьмой? Восьмой? В открытый космос вышли, поля засеяли кукурузой, Венгрию давно приструнили, Чехословакию только что за «железный занавес» подергали, проверяя прочность – ничего, прочный, висит! – до Афганистана далеко, до Солженицына в списках – близко. Как в это время можно было родиться в Лондоне?

– Вы зовете его Костик, он ваш... друг?

– Он мой начальник, – объяснила она, не дрогнув. Ловко подняла турку, так, чтобы ни капли кофе не пролилось мимо крохотной чашечки, и стала наливать во вторую. Капитан поко-

сился на чашечку – он любил пить кофе из больших толстых кружек. Полную кружку и сахару побольше. Как пить кофе *из этого*, он не знал.

– Начальник и друг, – настаивал капитан, – или любовник?

Она приткнула турку на край плиты и обеспокоенно взглянула на дверь. Там, за дверью, был ее сын, но закрывать ее Кира Ятт не стала.

– Он никогда не был моим любовником, – отчеканила она, слегка понизив голос, – мы... вместе начинали работать, когда «Ист-Вест холдинг» принял решение о создании этого журнала.

– Когда это было?

– Пять лет назад. Главный редактор был другой, Володя Николаев, он сейчас в Америке живет. Он дружил с Костиком, взял его на работу, стал двигать, а потом уехал, а Костик его заменил.

– А вас кто двигал?

Она пожала плечами под домашним свитером из разноцветной шерсти. У свитера был обширный вырез, и в этом вырезе виднелось много матово посверкивающего чистой кожей тела, и капитану это мешало.

– Меня никто не двигал. Я двигалась сама. Собственно, я особенно никуда и не продвинулась. Я второй заместитель главного редактора. Это весьма... посредственная должность.

– Какая? – переспросил капитан.

– Посредственная, – повторила она сухо, – для моего возраста, конечно. Сейчас все по-другому. Сейчас девочки и мальчики после факультета журналистики приходят, кому двадцать два, кому двадцать три, им уже давно куплены должности. Примерно такие, как моя. Есть еще более привлекательные, например, заместитель коммерческого директора или директора по рекламе. Совсем ничего не нужно делать, все делает директор. Сиди себе и учись, если мозги есть. А если нет, просто денежки получай.

– Ваш... Костик из этой же серии?

– Нет. – Она улыбнулась. Зубы были безупречными, как и плечи. – С чего вы взяли? Я же говорю – его двигал Володя, а они с Володей сто лет назад начинали в ТАСС или в РИА, я точно не помню. Это... профессионалы, а не мальчики, Андрей...

– Степанович, – подсказал капитан. – А у вас есть мальчики, которые хотели бы купить должность главного?

– Должность главного покупать не рекомендуется. Все-таки ведь кто-то должен делать журнал! Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Костик очень хороший журналист, – сказала она решительно, словно специально отказываясь добавить «был», – пишет отлично, в политике разбирается, связи у него везде.

– Что значит – связи?

Кира Ятт закурила сигарету и остановилась прямо перед капитаном, который все страдал над своей наперсточной чашкой. Опять он услышал ее запах, что за наказание такое! И ее матовая кожа мешала думать.

– Андрей Степанович! Чтобы делать журнал, надо иметь доступ к информации. Что такое информация? То, что приходит по линии информационных агентств, – ерунда, вы понимаете, вчерашний день, это никому не нужно. Необходимо первыми узнавать то, что может стать сенсацией или даже просто событием. Нужно добиваться, чтобы эти события комментировали те, кто в этом хоть что-то понимает. Можете себе представить, что необходимо преодолеть, чтобы получить согласие на интервью, например, от главы администрации президента?

– Нет, – признался капитан Гальцев, который никогда не пытался интервьюировать главу администрации.

Больше того, он был искренне уверен, что этот глава на самом деле никому не интересен и получать у него согласие на интервью ни за каким чертом не надо! Ну, не хочет он интервью, значит, пусть будет интервью с группой «Блестящие». Ничуть не хуже, а может, даже и лучше!

– Костик знал нужных людей везде – и в Думе, и в администрации, и в правительстве, и в МВД, и в МЧС. Ему почти никогда не отказывали, и у нас всегда была возможность подтвердить или опровергнуть информацию. Или получить доступ к каким-нибудь закрытым материалам. У нас же нет первой поправки! Прессе никто ничего показывать не обязан!

– Ясно, ясно, – пробормотал капитан, глядя в свою записную книжку. В книжке были прочерчены линейки и написано «пон», «втр», «срд».

Ни «пон», ни «втр», ни «срд» ничего не добавляли к общей картине.

В Зоологическом музее, куда капитан Гальцев любил наведываться во времена пионерского детства, была композиция – «Глухари на токовище». Чучела облезлых глухарей, пыльная искусственная трава, пыльные искусственные кусты, на заднем плане – нарисованное озеро и березы. Красота.

«Глухарь» был налицо, а вместо нарисованных берез с озером – современная кухня и поток аристократического кофе.

Все-таки, наверное, он был ее любовником. И она пристрелила его на площадке между четвертым и пятым этажом, когда он приехал к ней, чтобы выяснить отношения. Может, он хотел завести отношения с кем-то еще, а она, эта блестящая Кира, ему мешала. Ревновала, скандалила или что там еще.

Капитан зевнул, не разжимая челюстей. Хорошо бы так и было. Несмотря на свежий и дорогой запах, два браслета и матовую кожу.

– И вы не знаете, зачем именно сегодня он хотел вас видеть? – продолжая скорее свои мысли, чем разговор с ней, спросил он.

– Нет. Они сильно поссорились днем с первым замом, Гришей Батуриным. Я вошла, когда они орали друг на друга. Потом Гришка ушел, вернее, я их разогнала...

– Как – разогнали? – перебил насторожившийся, как овчарка, капитан.

– Да никак, – ответила она нетерпеливо, – велела, чтобы прекратили. Всю редакцию оповестили, что у них опять скандал! Они скандалят всегда... очень громко. Гриша ушел...

– Подождите, – остановил капитан, – как его зовут?

– Кого? – не поняла Кира.

– Того, с кем поскандальил ваш главный.

– Григорий Алексеевич Батурин. Первый заместитель главного редактора, – продиктовала она почти по слогам, как будто капитан был второгодник.

– Он себе тоже должность... прикупил?

– Нет, он пришел к нам два года назад...

Кира вздохнула. Он был как-то непонятно прямолинеен, этот капитан Гальцев, хотя вовсе не производил впечатление дурака.

Чем-то я его раздражаю, поняла Кира и даже незаметно оглядела себя, все ли в порядке. Все было в порядке.

Ей нужно, чтобы он поскорее убрался вон. Она должна дать Тиму «Новопассит», чай и два бутерброда с сыром, уложить его спать, а потом подумать.

Подумать и поплакать над бедолагой Костиком.

Что, черт побери, могло произойти в ее подъезде – «охраняемом», как писали в объявлениях о жилье! – не таким уж поздним вечером, в тихом и спокойном центре старой Москвы! Кто стоял на площадке между четвертым и пятым этажом, поджидая лифт, кто выстрелил ему в сердце, и он упал, нелепо взмахнув руками, и портфель отлетел к стене, и подвернулась нога, и рука как-то странно вывернулась, но для Костика это уже не имело никакого значения. Рука ему больше не понадобится никогда.

Правая, медленно подумала Кира. Правой он писал. Нет, он всегда печатал на компьютере, это она все не могла себя приучить, все ручкой на бумажке строчила, а он печатал.

У него были милые пожилые родители где-то под Москвой и сестра, лет на пятнадцать его младше, которой он постоянно давал деньги, и дорогая машина, и неослабевающий боевой задор в отношении «девчонок».

– Простите меня, – выдавила она и взялась за горло, – одну минуту, простите, пожалуйста. И выскочила из кухни.

Проняло, понял капитан Гальцев. Осознала. Теперь начнется истерика, и ни черта у нее не вытянешь. Так всегда бывает.

Он понюхал остывшую кофейную гущу в своей чашечке – гущи было ровно до половины. Даже на глоток не хватило того кофе, что сварила Кира Ятт. Вот наградил бог фамилией!..

За деревянной дверью слышалось какое-то шевеление, и капитан, безошибочно распознав это шевеление, негромко позвал:

– Парень! Зайди сюда!

После минутного молчания мальчишка возник в проеме.

– Вы меня? – спросил он вежливо.

– Слушай, – сказал капитан, – твоя мать угостила меня кофе, а я такой не люблю. У вас нет нормального, из банки?

– Есть, – подумав, ответил мальчишка, – сейчас.

Вразвалку – штаны были необъятной ширины и полоскались, как будто он некоторое время шел внутри их, – он вошел в кухню, включил чайник и вытащил громадную белую кружку. Капитан приободрился.

На кружке была надпись «Серый волк, зубами щелк!» и еще почему-то дата.

Странная какая-то кружка. На таких кружках должно быть написано «Я люблю Нью-Йорк» и нарисовано сердце с красной стрелой.

– Почему серый волк? – осведомился капитан.

– Где? – не понял мальчишка. – А... Это папина кружка. Его мама иногда зовет Серый, потому что он Сергей. То есть звала, – поправился он.

Папа, надо понимать, бывший муж и отец пацана.

Н-да. Зубами щелк. Почему-то вдруг смысл этой надписи показался капитану неприличным.

– Слушай, парень, а ты ничего не слышал – может, шум, или крик, или выстрел?

– Не-а, – протянул пацан. – Вам сколько кофе?

– Две ложки. А мать весь вечер дома была?

Мальчишка моментально принял боевую стойку. Капитану даже показалось, что он видит, как со всех сторон выставились и наострились колючки.

– Ну конечно, дома! Вы что, с ума сошли? Вы думаете, это она...

– Я ничего не думаю, – перебил капитан сердито, – я пока просто спрашиваю. Она никуда не выходила?

– Нет, – почти крикнул мальчишка, – да куда ей выходить-то?! Она после работы всегда дома!

– А... по телефону разговаривала?

– Я не знаю! Я не слушаю, что она делает! Я английский учил!

– У тебя своя комната?

– Ну, конечно, чья же еще?

– И ты из нее не выходил?

– Не выходил я! Я никогда не выхожу, если этот козлина приезжает!.. Очень он мне нужен!

– Подожди, – попросил капитан, – какой козлина? Мамин начальник, что ли?..

- Что происходит? – спросила с порога Кира. – Тим, почему ты орешь?
- Ничего, – заспешил капитан, – парень сделал мне кофе. Ваш, – тут он улыбнулся самой обворожительной улыбкой, – я пить не могу, уж извините.
- Мам, я папе позвоню, – угрюмо сказал мальчишка. – Может, он придет?
- Еще не хватает! – тихо, но очень убедительно воскликнула мать. – Ты знаешь, сколько времени?
- Мам, у меня есть часы и глаза!
- Тогда не говори глупостей. Сейчас мы закончим и будем чай пить. И ты пойдешь спать.
- Мам, ну пусть он придет!
- Тим. Нет.
- Мам, ему ехать три минуты!
- Нет.
- Так-так, подумал капитан. Серый волк, зубами щелк.
- Ну и ладно! – злобно сказал мальчишка, повернулся внутри своих штанов и выскочил из кухни. Штаны скрылись намного позже.
- Что это за мода... – пробормотал капитан, проводив глазами мальчика.
- Такая, – объяснила Кира.
- Значит, вы все время были дома, ничего не видели, не слышали, – неожиданно спросил он, – во сколько вы приехали?
- Около семи, наверное. Или чуть позже семи. Если у меня на работе нет никакого... форс-мажора, я всегда приезжаю примерно в это время.
- А ваш начальник к вам часто приезжал?
- Не слишком. Если у нас возникали проблемы на работе и нам надо было обсудить их в спокойной обстановке, приезжал. Никакого, – она поискала слово, – графика приездов у него не было.
- А почему он с первым замом не обсуждал?
- Я не знаю, – резко ответила Кира, – может быть, он и обсуждал, но без меня. Ко мне Костик всегда приезжал один.
- У вас плохие отношения?
- С кем? – не поняла она.
- С первым замом?
- Почему у нас должны быть плохие отношения?
- Не должны, – раздраженно заявил капитан, – но могут. Вы не хотели стать первым замом? Вы женщина умная, деловая, сразу видно, а всего только второй зам. Тем более вы давно работаете, а этот первый зам – недавно.
- Кира поболтала туркой, в которой еще оставался глоток кофе.
- Если вы хотите сказать, – начала она, – что я пристрелила Костика на лестнице собственного дома только для того, чтобы продвинуться по карьерной лестнице и стать первым замом вместо Батурина, говорите это сами.
- Да вы уж все сказали!.. – пробормотал капитан.
- Батурин отличный журналист. У нас почему-то принято говорить – неплохой, – отчеканила Кира, – если говорят, что журналист «неплохой», значит, это отличный журналист. У него есть чувство стиля, он хорошо пишет по-русски, что удивительно при его биографии, он жесткий и... правильный организатор. На месте Костика я бы его боялась.
- В каком смысле?
- Он дышал ему в спину. Я думаю, что через год он вполне мог бы обставить Костика.
- «Батурин, – записал капитан, – претендент на должность».
- Это я к тому говорю, – продолжила Кира, словно капитан записал не в записной книжке, а у себя на лбу, и она там легко все прочитала, – что, может быть, Костику имело смысл при-

кончить Батурина, но никак не наоборот. Все само пришло бы к тому, к чему пришло сейчас – Гришка получит главного, и это будет *его* журнал.

– Зачем же ждать? Можно ведь и не ждать, а застрелить, к черту, да и все.

Кира пожалала плечами. Свитер дрогнул, и матовой кожи открылось еще немного больше.

Капитан дрогнул и отвернулся.

– Господи, – вдруг произнесла она с тоской, – какой ужас! Костика убили, а мы говорим чудовищные вещи, как будто так и надо!

– Если не говорить, тогда никто никогда не узнает, кто застрелил вашего... Костика.

– А узнает, что тогда, – спросила она, – он воскреснет?

Они помолчали.

– Нет, – сказала Кира, – Батурин не мог его убить.

– Почему?

– Выясните сами, – с сердцем ответила она, – вы в милиции служите, вам и карты в руки.

– Я как раз выясняю. Кто-нибудь, кроме вашего сына, который, как я понял, учил уроки и ничего не видел и не слышал, может подтвердить ваше алиби?

Вот это был удар так удар.

Она заморгала и даже отступила немного, наткнувшись спиной на полированную стойку. Капитан смотрел на нее, сделав оловянные глаза.

Очень хорошо. Давай. Теряй почву под ногами. Знай, что я могу сейчас же уволочь тебя в КПЗ.

А то «Глухари на токовище», понимаешь!

За дверью опять произошло какое-то движение, шлепанье босых ног, и в кухне возник высоченный красавец в халате. Волосы у него были взлохмачены, на щеке вмятина от подушки.

– Вечер добрый, – сказал красавец и зевнул во всю зубастую розовую пасть, – Кирха, что тут у нас происходит?

Капитан моргнул, прогоняя олово из глаз.

– Да хоть бы вот он, – как ни в чем не бывало заявила Кира Ятт, наградил бог фамилией!.. – Вот он может подтвердить мое... алиби. Да, Сергунь? Ты можешь?

– Я все могу, – согласился красавец и спросил деловито, устраиваясь за столом: – Ты сегодня кого-то прикончила?

– Вы кто? – зверея прямо на глазах, спросил капитан.

– А вы кто?

Опять внутренний карман и удостоверение на собачьей цепи.

– А-а, – уважительно протянул красавец, подцепил из плетенки сушку и стал грызть, сильно сжимая челюсти и хрустя на всю кухню, – а я Сергей Шлях, мы с Кирой... Я ее близкий друг. Ну, вы понимаете.

– Мы понимаем, – согласился капитан.

– А что стряслось-то?

– На лестнице, где лифт останавливается, застрелили моего начальника, – сухо сообщила Кира.

Красавец присвистнул:

– Которого ты ждала?

Кира посмотрела на него и ничего не ответила.

Капитан внутренне застонал. Композиция «Глухари на токовище» предстала перед ним во всей своей потрясающей красе и силе.

Значит, любовник этот, а не тот. Значит, именно этого пацан назвал «козлиной» – умный мальчик, козлиная и есть. Значит, этот знал, что должен приехать тот.

Так, может, и... убил его? Из ревности?

Да нет никакой ревности, ты же видишь! Он сидит, жрет сушки, разгрызая их идеальными до отвращения зубами, как пить дать вычищенными зубной пастой «32 Норма» при помощи щетки «Аквафреш флекс директ», ничего не боится, на покойника «козлине» наплевать тридцать раз, он даже сочувствия изобразить не может, да и лень ему его изображать.

Конечно, возможно, он выдающийся драматический актер, но не похоже, нет, не похоже...

– Паспорт у вас есть? – проскрипел капитан Гальцев.

– Как не быть, – воскликнул красавец, – а что? Предъявить?

Капитан промолчал. Красавец пожал плечами, поднялся, потрепал Киру по плечу привычным хозяйским жестом – вся эта матовая гладкая кожа, очевидно, давно и надежно принадлежала ему – и вышел.

Кира долила воды в чайник.

– Он все время был здесь? – спросил капитан.

– Он приехал минут на двадцать позже меня, – не глядя на него, как будто ей было стыдно, быстро ответила Кира, – мы поужинали, и Сергуня сел работать. Он часто привозит из офиса бумаги. Потом завопила Марья Семеновна, и я отвлеклась.

Отвлеклась. Хорошее слово, учитывая, что она отвлеклась на труп начальника, которого ожидали к семейному ужину. В смысле начальника, а не труп.

– Он с вами живет?

– Нет. Он приезжает, когда мы договариваемся.

– О сегодняшнем приезде вы тоже договаривались?

– Вот, – провозгласил красавец и шлепнул на стол паспорт, – вот она, моя краснокожая паспортница! С пропиской все в порядке.

– Где вы работаете? – спросил капитан, рассматривая паспорт.

– А что? – вдруг насторожился красавец.

– Ничего. Мне нужны все данные.

– Моя работа, – внушительно сказал Сергуня, – к вашим данным не должна иметь никакого отношения.

– Отвечайте на вопрос, – потребовал капитан сурово, – я сам знаю, что имеет, а что не имеет.

Как они ему все надоели – и Кира с ее запахом и матовой кожей, и красавец с зубами, и пацан в штанах шириной с Тверскую улицу!..

– Я работаю директором по продажам в компании «Юнико Бест», – сказал Сергуня, сел и стал трясти ногой, – это крупная западная компания, и я не хотел бы, чтобы на моей работе мне задавали вопросы по поводу... труп.

– Где надо, там и зададим, – пообещал капитан.

Сергей Шлях, тридцать семь, разведен, еще раз разведен, не женат, две дочери – Диана Сергеевна Шлях и Жанна Сергеевна Шлях, соответственно пятнадцати и семи лет от роду.

– Во сколько вы приехали сюда?

– В полвосьмого где-то. А что?

– Вы договаривались о своем визите?

– Договаривался. А что?

– Вы всегда договариваетесь?

– Всегда. А что?

– Как часто вы здесь бываете?

– Это зависит от того, насколько я занят. Да почему вас интересует сей факт, я не понимаю?! Убили его не у нас в квартире, а где-то там на лестнице, мы туда не выходили, спросите лучше у вахтерши, кто мог в подъезд войти!

– Спросим, – согласился капитан, – конечно, спросим. Вы знали, что к вашей... подруге сегодня должен прийти начальник?

Сергуня пожал атлетическими плечами:

– Кира, я знал или не знал?

– Знал, – откликнулась Кира, – я тебе звонила.

– Точно, – вспомнил Сергуня и искренне улыбнулся капитану Гальцеву. Должно быть, в крупной западной компании научился так улыбаться. – Кира мне позвонила и сказала, что у нее сегодня деловой разговор, и этот... как его... Костик должен приехать после работы и что все это может затянуться.

– Зачем вы его предупредили?

Кира закурила и выдохнула дым.

– Затем, что вечер у меня мог оказаться занят. Я предложила Сергуню перенести... визит.

– Но я уже настроился, – подхватил Сергуня безмятежно, – мне не хотелось просто так менять планы. Я даже взял с работы бумаги, чтобы их посмотреть, пока Кира будет занята.

– Вы тоже не слышали ничего подозрительного?

– Ни-че-го, – по слогам ответил Сергуня, – я люблю музыку. Джаз. Я работал в наушниках. Я всегда работаю в наушниках.

Должно быть, в крупных западных компаниях принято работать в наушниках.

Все помолчали.

– Да нет, – сердечно сказал Сергуня, – мы – это не то, что вам нужно. Мы никого не убивали, правда, Кирха? Мы мирные обыватели, слушаем музыку, ковыряемся в бумажках, ничего интересного.

– И все-таки его застрелили в подъезде вашего дома, а не его собственного, – буркнул капитан, – хотя в вашем подъезде стрелять очень неудобно. И кодовый замок тут, и вахтерша! Мы ее допросим, конечно, но вряд ли она могла постороннего подозрительного человека впустить, а потом выпустить! И выстрела никто не слышал! Почему?

– Потому что пистолет был с глушителем, – предположил Сергуня и взял еще одну сушку.

– Или это была снайперская дальнобойная винтовка и стреляли с Покровского бульвара.

– Почему с бульвара? – спросил Сергуня. – Это же далеко!

– Он шутит, – объяснила Кира.

– Я шучу, – подтвердил капитан.

Что делать? Ну вот что делать?! Что начальству докладывать?! Да еще журналист, мать его!.. Где там «Дорожный патруль»?! Уже на подходе?

– Надеюсь, – сказал Сергуня нежно, – вы получили ответы на все ваши вопросы. Надеюсь также, что в моем офисе не станет известно об этом недоразумении. Американцы, знаете, до ужаса щепетильны в таких делах, а я должен получить повышение.

Мысль о повышении расстроила его, капитан голову мог дать на отсечение. Расстроила и заставила пожалеть о том, что он вообще приехал в этот «злосчастный день» к возлюбленной. Она ведь предупредила, что будет занята с начальником, а он все-таки приперся и теперь влип в историю!

Он переложил ноги – одну на другую – и стал трясти другой. Кира снова закурила.

Послышался странный стук – пальцем по деревяшке, – и откуда-то позвали:

– Андрюш!

– Да, – откликнулся капитан.

– Андрюш, тут гости в двенадцатую квартиру. Принимай!

– Гости? – пробормотала Кира и смяла в пепельнице сигарету. Вид у нее стал встревоженный. – Какие еще гости?

– Кого вы ждете? – быстро спросил Гальцев. – Кто еще должен нагреть?

Мужские голоса, гулкие на лестничной площадке и приглушенные в квартире, телефонная трель, шаги – Кира застонала сквозь зубы, услышав эти шаги, и капитан посмотрел на нее.

– Пап!! – завопил пацан в отдалении. – Пап, как хорошо, что ты приехал! У нас тут мамино главного грохнули на лестнице, и маму уже два часа допрашивают!

– Подожди, Тим, я ничего не понимаю, – послышался низкий голос, и в кухню заглянул взъерошенный мужик в джинсах и куртке, надетой почему-то прямо на майку, хотя до лета было еще далеко.

– Добрый вечер, – произнес он, оглядев кухню. – Кира, что случилось?

– Вы кто?! – рявкнул капитан, хотя все было и так понятно.

– Литвинов Сергей Константинович, – ответил тот, – бывший муж. Мне позвонил сын и сказал, что здесь убийство и подозревают мою бывшую жену. Это правда?

Кира закрыла дверь и на одну секунду прижалась к ней лбом. Лоб был горячий, а дверь холодная.

Господи, что теперь будет с ее жизнью?.. Кому понадобилось убивать Костика в подъезде ее дома, и этот милиционер – она видела! – так и не поверил, что это не она его убила!

И Тим зачем-то позвонил Сергею. Она же не разрешила! Что себе позволяет ее сын?! Их общий с Сергеем сын?!

Она оторвала лоб от полированной двери, потому что услышала шаги, а ей не хотелось, чтобы ее застали в позе полного киношного отчаяния. Из глубины квартиры к ней шел Сергуня в костюме, при галстук и при портфеле. Он ей улыбался.

Литвиновых – отца и сына – не было ни видно, ни слышно.

– Я решил уехать, Кирюха! – провозгласил Сергуня, как будто сообщал что-то очень-очень приятное. – Я же вижу, тебе не до меня! Да еще бывший пожаловал! Так что я лучше поеду. Еще не так поздно.

«Позвольте, – стремительно подумала Кира, – а утешать меня? Застрелили *моего начальника*, когда он шел *ко мне*, и милиция, кажется, абсолютно уверена, что это *я* его застрелила!»

– Я вполне успею выспаться, – доверительно сообщил Сергуня, как будто она беспокоилась, успеет он или не успеет, – мне ехать недолго. Это Тимоша ему позвонил?

Кира молчала.

– Слушай, – обуваясь, продолжал Сергуня, – а может, Костик сам застрелился? Так бывает. Человек совершает необдуманные поступки, особенно весной. Может, он хотел с тобой поговорить, признаться в чем-нибудь, но не выдержал и застрелился. А? Ты не знаешь, у него были финансовые проблемы?

– Он не мог застрелиться, – сообщила Кира, глядя в длинную и сильную Сергунину спину, – возле него не было пистолета.

– А может, пистолет кто-то украл!

– Например, убийца, – предположила Кира.

– Ну да, – согласился Сергуня радостно, – видишь, какая хорошая версия!

– Отличная, – процедила Кира.

Нужно позвонить Батурину. Нужно позвонить Вовке Николаеву в Нью-Йорк. Нужно позвонить родителям Костика, а завтра к ним поехать.

Костика убили. Беда пришла.

Ей предстоит ночь с бедой.

– Кирюх, я тебе позвоню, когда доеду, чтобы ты не волновалась, – сказал Сергуня, – а завтра ты мне позвони, чтобы я знал, встречаемся мы в пятницу или нет.

– Если меня не заберут в тюрьму, позвоню, – сухо пообещала Кира.

– Ну-ну, – предостерегающе как будто попросил Сергуня. Ему неприятно было даже слышать об этом. – Не переживай, все обойдется, Кирха! Ты никуда не выходила, я-то знаю!

– По-моему, этого недостаточно.

– Должно быть достаточно. Выше нос!

Ух, как Кира ненавидела такие стандартные «устойчивые» выражения!

Сергуня обулся и потопал ногой, получше размещая ее внутри ботинка. Он был спокоен и доброжелателен и вроде ничем не озабочен, кроме вполне объяснимого желания оставить Киру наедине со своими проблемами и «бывшим», но она чувствовала его страх.

Он был чем-то сильно напуган и уезжал именно из-за этого страха, а не «из благородства».

– Пока, дорогая. Обещай мне, что не будешь переживать!

Кира пообещала и во второй раз за эту ночь закрыла дверь.

Завтра весь дом, все соседи до одного, будут знать, что в их подъезде убили ее начальника, когда он шел к ней. Впрочем, скорее всего все знают уже сегодня.

Кто?! За что?! Зачем?!

Кому мог помешать Костик в ее подъезде?! Кому он вообще мог помешать, ловелас, плейбой и бонвиван?!

И Тим зачем-то вызвал Сергея!

Она подергала дверь, проверяя, заперта ли – раньше она была уверена, что живет в спокойном и безопасном месте, – и пошла разыскивать своего сына, чтобы наподдать ему как следует. Уж в этом удовольствии она себе точно не откажет!

Сын оказался на кухне. Вместе с отцом.

На круглом столе стояли три тарелки синего английского фарфора – подарок свекрови к прошлому дню рождения, который должен был означать, что, несмотря на то, что она развелась с ее сыночком, *их отношения* с Кирой остались прежними. Еще стояли бокалы, бутылка вина и пакет с соком. Бывший муж жарил мясо. Тим уныло жевал морковку из вакуумной упаковки.

– Мама!

– Ты ее мыл? – спросила Кира, хотя было совершенно очевидно, что нет.

– Садись, – сказал Сергей, не оборачиваясь, – поешь.

Он все про нее знал – пятнадцать лет не прошли даром. Он знал, как лучше всего ее успокоить.

Он знал все ее слабости, страхи, все камни, о которые она спотыкалась. Знал и плевать на них хотел.

– Мама!

Очевидно, Тим боялся, что она начнет кричать и выставит его драгоценного папочку, она бы и начала, но у нее не было сил. Просто не было сил.

Она приткнулась на табуретку и закурила. Табак щипал язык и глотку – сколько она выкурила за вечер? Пачку? Две?

– Хватит, – велел Сергей, – остановись. Поешь лучше.

Но сигарету у нее не выдернул и в мусор не швырнул, а в прежние времена отобрал бы и выкинул.

Бывший муж положил ей на тарелку кусок мяса, выжал на него пол-лимона и налил в бокал вина из пузатой бутылки – до краев.

– Водки я не нашел, – буркнул он, – а привезти не догадался.

– Черт с ней, – сказала Кира и залпом отпила примерно половину от своей дозы. Вино оказалось вкусное, сухое, и в пустом желудке от него как-то сразу потеплело, как будто оно было горячим.

– Тим, – скомандовал Сергей, – быстро есть и спать! Время второй час ночи.

– Папа!

Есть вдвоем на кухне, как они ели всегда, всю жизнь, было непривычно и странно. Неловко как будто.

– Ты почему в майке, – спросила вдруг Кира, – ты уже спать собирался?

– Я не собирался, я спал.

– Тим, я три раза сказала, чтобы ты отцу не звонил! – начала Кира. – Ты же не маленький ребенок, почему я не могу на тебя положиться?

– Ты можешь на меня положиться, – заявил Тим с ослиным упрямством, унаследованным от папочки, – но я испугался, что они тебя заберут в тюрьму! Ты что? Глупая? По ящику все время показывают, как менты, чтобы дело закрыть, берут первого попавшегося – и в тюрьму! А этот Костик к тебе шел!

Оба – и отец, и мать – перестали жевать и одинаково смотрели на отпрыска так, словно никогда раньше его не видели и будто это чей-то чужой отпрыск.

– Вы чего? – спросил Тим и тоже перестал жевать.

Конечно, у него был тайный план!

Очень тайный и очень хитроумный план, как заставить их жить вместе. Для того чтобы мать снова полюбила отца, нужно, чтобы он ее от чего-нибудь спас.

Это же дураку ясно – когда тебя спасают, ты непременно влюбляешься в спасителя!

Ну вот. Отец спасет ее, она перестанет на него сердиться, а он перестанет прятаться от нее за свою работу, и они заживут втроем, как раньше! Тогда хоть и ссорились, но хоть жили в одной квартире, а теперь не поймешь что – у мамы этот козлина с портфелем и в халате, у папы девица сказочной красоты с волосами до середины спины, ужас один!

Маму очень долго ни от чего не нужно было спасать, и Тим замучился ждать подходящего случая, а тут такая удача – труп! Конечно, он позвонил, разве он мог не позвонить!

– Они и вправду решили, что это... ты? – спросил наконец Сергей, глядя в свою тарелку.

– Я не знаю, – злобно ответила Кира, – но у меня спрашивали, где была, не выходила ли и почему не слышала выстрела.

– А почему ты не слышала?

– Потому что у нас на шестом этаже ремонт, пап, – вмешался Тим.

– Тим, не разговаривай с набитым ртом.

– Ну и что? При чем тут ремонт?

– Да они стены разбирают, там с утра до ночи грохот! Скажи, мам! Хоть из пулемета стреляй!

– Точно, – сказала удивленная Кира, как это она забыла про ремонт и грохот, который надоел им ужасно! – Там действительно грохочут.

– У Басовых? – не поверил Сергей.

– Басовых там давно нет, – уточнила Кира, – они квартиру продали еще прошлым летом. Там теперь какие-то новые. Я видела только ее. Зовут Марина. Очень приятная.

– Приятная, а грохочут, – буркнул Тим.

– Ремонт есть ремонт, – философски заметил Сергей.

– Мяса нет больше? – спросила Кира небрежно.

– Конечно, есть, – ответил бывший, не глядя на нее, встал и положил ей еще кусок и опять полил соком из половинки лимона.

Черт побери. Он все про нее знал. Даже про этот лимон, которым нужно непременно полить мясо. И вина добавил в бокал. Это было не ее вино, выходит, он привез.

Какой заботливый, понимающий мужчина, ее бывший муж! Образец и пример для подражания.

– Значит, тот, кто стрелял, знал, что у Басовых, то есть не у Басовых, а у новых, ремонт? – рассуждал Сергей задумчиво.

– Почему?

– Потому, – ответил он с досадой, – потому что стрелял в подъезде и не боялся, что из всех дверей выскочат люди, а с первого этажа прибежит Марья Семеновна. Правильно? Никто

не слышал выстрела, потому что и так грохочет с утра до ночи. Все уж привыкли. И убийца должен был про это знать. Кстати, лифт не работает. Давно?

– Как не работает? – спросила Кира удивленно. – Когда я приехала, он работал. Я на лифте поднималась.

– Сейчас не работает, – заявил Сергей, – я шел пешком. А... милиция у тебя спрашивала про лифт?

– Нет, – ответила Кира, подумав, – нет, не спрашивала. А что? Ты думаешь, это имеет значение?

– Не знаю.

– Пап, что нам теперь делать-то? Если маму... если они думают, что это мама...

– Тим, – сказал Сергей очень твердо, – мы ничего толком не знаем. То, что они задавали маме вопросы, ничего не означает. То есть не означает ничего плохого. Они должны были задавать вопросы, потому что Костик приехал именно к маме, а не к Марье Семеновне. Правильно?

– Я не знаю, – возразил Тим, – но я все слышал, и это какие-то... неправильные вопросы.

– Что значит неправильные?

– Это значит, что они считают, что это мама его... того...

– Тим, не выдумывай, – прикрикнула Кира не слишком уверенно, – тебе просто давно пора спать, и ты перенервничал.

– Ничего я не перенервничал, – буркнул сын.

– И вообще ты не должен подслушивать!

– Как же не должен, когда он к тебе привязался, а ты даже папе не хотела звонить!

– Тим, – тоже очень твердо сказала Кира, не глядя на Сергея, – папа тут совсем ни при чем. Это... не его проблемы. А ты его втягиваешь...

Сергей поднялся со своей табуретки. Кира быстро взглянула – у него было расстроенное, бледное от усталости лицо с пролезшей темной щетиной.

– Тим ни во что меня не втягивает. – Он с грохотом распахнул дверь посудомоечной машины. – Все правильно. Он испугался и позвонил мне. Не нужно его ругать за это, Кира. Он не виноват в том, что ты не... можешь меня видеть.

– Я могу тебя видеть, но я не желаю, чтобы он...

– Мы все это потом обсудим. Тим, давай. Надо хоть немного поспать.

– Я не хочу спать.

– Хочешь.

– Нет.

– Я дам ему успокоительное, – вмешалась Кира, – конечно, он не уснет после таких событий!

– Ему не нужно никакое успокоительное, – заявил Сергей упрямо, – ему не сто лет, и он не бабка-сердечница. Он сейчас ляжет и уснет.

– Сергей, он два часа торчал на лестнице и смотрел на труп!.. Ему нужно принять «Новопассит».

– Прими сама свой «Новопассит», а ему нужно принять душ, и больше ничего. Тим, сколько раз нужно повторять?!

– Я уже иду, – пробормотал сын испуганно, – вы только не ссорьтесь!..

Кира и Сергей посмотрели друг на друга и разом отвернулись. Он – к посудомоечной машине, она – к своей тарелке с остывающим мясом.

В последний год перед разводом они только и делали, что ссорились. Ссорились из-за грязных ботинок, в которых он поперся на чистый ковер, из-за денег, которых вечно не хватало, из-за майки, брошенной мимо корзины для белья, из-за того, что лучше на завтрак, чай или кофе, из-за футбола, который показывали по «НТВ-Спорт», из-за работы – Сергей считал, что

пописывать статейки на отвлеченные темы и работой-то назвать нельзя, а она уставала, злилась, все пыталась ему что-то доказать, а он не слушал, отмахивался и тоже злился, злился...

Бедный Тим. Он был не так уж мал, чтобы всего этого не замечать. Он боялся, отсиживался в своей комнате или бегал от мамы к папе с расстроенным и испуганным лицом и пытался их мирить, и еще он пытался предотвратить очередную катастрофу, и иногда ему это удавалось, и тогда он весь день вел себя как образцовый ребенок из рекламного ролика – только бы не нарушить, только бы не разбить хрупкий мир, только бы не спровоцировать новую катастрофу.

А потом они развелись. Кира была уверена, что, как только они разведутся, жизнь станет в сто раз проще и легче.

Жизнь стала в сто раз проще.

Легче не стало нисколько. Стало только тяжелее и очень обидно.

Она ведь его любила. Столько лет.

Она даже была уверена, что будет любить его всегда – вот как! Он сложный человек, но Кира никогда не признавала простых! Всегда, с двадцати пяти лет, он был очень занят – сначала своей наукой, потом карьерой, когда стало ясно, что с наукой покончено навсегда и призрак ее не восстанет из гроба даже просто затем, чтобы прошвырнуться по Европе. Он нашел себе дело, максимально приближенное к тому, которое знал и любил, и преуспел в нем, и продвинулся, и стал хорошо зарабатывать, и научился носить дорогие костюмы и льняные рубашки, и пить кофе, который не любил, и вести светские разговоры, и Кира гордилась им и любила его.

Когда он защищал докторскую, какой-то старик, повернувшись к Кире, сказал прочувствованно, что «Сергей Константинович непременно, непременно станет нобелевским лауреатом, если только сумеет остаться в науке», и Кира слушала его с ужасом и восторгом – из доклада, который делал ее собственный муж, она не поняла ни слова. То есть ни одного. Но он говорил так, как будто ему вдруг открылось какое-то великое божественное знание, и выглядел соответственно – словно осененный этим знанием. Аудитория была залита агрессивным весенним солнцем, в котором танцевали пылинки, никто не шептался, не кашлял, не зевал, не вертелся, не рисовал – все смотрели на него и слушали, слушали, и следили за его рукой, на которой взблескивало обручальное кольцо, самое первое, купленное в магазине для новобрачных после трехчасового стояния в очереди. Рука тоже казалась осененной божественным знанием. Потом долго аплодировали, поздравляли, окружали, протискивались, пожимали руки, хлопали по плечам, а он все выглядывал из окружения, отыскивал Киру, ему нужно было убедиться, что она видит его триумф, что она все оценила, все поняла, удостоверилась, что он умница, гений, черт знает кто!..

По сравнению с ним все остальные казались пресными и какими-то укороченными, что ли, как купленные не по росту брюки, и ей было искренне наплевать, куда он бросил майку – в корзину или мимо, и чьим шампунем – своим или ее – он сегодня вымыл голову.

А потом она его разлюбила. Вернее, возненавидела.

Он постоянно терял ключи от квартиры и от машины и оказывался на грани истерического припадка, когда не мог их отыскать в течение сорока секунд. Он все на свете забывал – что нужно купить хлеба, забрать вещи из химчистки, договориться с бабушкой о том, что она приводит Тима из школы. Он ничего не читал, кроме своей специальной литературы, в том числе и Кириного журнала, который она подсовывала ему в надежде, что он обратит внимание на то, как классно она пишет, как она научилась во всем разбираться, как далеко она ушла от девчонки, на которой он женился, но он неизменно клал журнал себе на живот и засыпал сном младенца. Кира хватала журнал и швыряла его на пол, испытывая жгучее желание надавать им муженьку по физиономии. Он то и дело издевался над ней за то, что она отдала Тима на теннис – «ну, конечно, все аристократы играют в теннис, и наш ребенок должен, как же иначе! Отдай его еще в школу верховой езды, тоже очень модно!». По его мнению, Тим должен

был заниматься демократической легкой атлетикой или лыжами, на худой конец. Когда Кира спрашивала, какие в Москве могут быть лыжи, когда два месяца из трех зимних под ногами и над головой льет как из ведра, он с ослиным упрямством говорил, что настоящему лыжнику вода не помеха, из чего следовало сделать вывод, что «настоящий лыжник», в которого должен превратиться Тим, может кататься и вовсе без снега. Он ругал его за четверки по математике, и когда принимался что-то объяснять, выходило нечто вроде той самой защиты докторской – не понятно ни слова. Тим запутывался окончательно, пугался собственного тупоумия и начинал выть.

На все случаи жизни у Сергея были заготовлены теории, абсолютно непригодные к употреблению, но зато «устойчивые», как советская власть в шестидесятые годы. Он долго ездил на «Жигулях», потому что согласно его теории отечественные машины можно починить на каждом углу и купить к ним запчасти в любом ларьке, а в то, что иностранные чинить вообще не нужно, он не верил, потому что это не совпадало с вышеупомянутой теорией. Он купил «Тойоту», когда на работе его вынудило к этому начальство – неприлично стало ездить на «Жигулях». Относительно «прилично – неприлично» у него была еще одна, отдельная, теория о том, что пиджак «Хьюго Босс» ничем не отличается от пиджака швейного комбината j4 города Балашихи и платить бешеные деньги за торговую марку и имидж не имеет никакого смысла. Темные очки и в Африке темные очки, будь то «Кристиан Диор» или китайское кооперативное производство. Тем не менее пиджаки он покупал в бутиках, а очки в салонах, и это нарочитое лицемерие выводило Киру из себя.

У-уф... Вот сколько всего накопилось.

И все-таки, все-таки она его сильно любила и даже не поняла, когда и за что разлюбила. Он всегда был таким, и именно таким она его и любила, вернее, ей удавалось любить его именно таким.

Что изменилось? Критическая масса раздражения стала совсем уж критической?

Кира ничего не понимала в критической массе. Зато ее муж только в ней и разбирался.

Бывший муж.

– Ты извини меня, Кира, – вдруг сказал он совсем рядом, – я не знал, что ты не разрешила ему звонить. Я бы не приехал, если бы знал, что ты не разрешила. Твой... приятель уехал из-за меня?

Она так знала своего мужа, что моментально поняла, о чем этот вопрос. К отъезду Сергуни он не имел никакого отношения.

– Нет, Сереж, – пояснила Кира, отвечая на тот, *настоящий* вопрос, – ничего особенного. Мы познакомились три месяца назад, на дне рождения у Юльки Андросовой. И он стал... приезжать.

– Тим его ненавидит, – сообщил Сергей буднично, – просто ужасно. Сегодня утром сказал мне по телефону, что он его убьет. Может, ты воздержалась бы и не стала приглашать его к нам... в смысле, сюда.

– А куда мне его приглашать, – холодно спросила Кира, – в сквер на лавочку? Или ты думаешь, что я всю оставшуюся жизнь должна по тебе страдать?

Он знал, что не должна, но ему хотелось, чтобы страдала.

Ее любовник – в халате, на их кухне, где столько всего было, хорошего и плохого, смешного и стыдного, и трогательного, и забавного, они когда-то даже любовью занимались на узком гобеленовом кухонном диванчике, потому что у них не хватило сил дойти до спальни и закрыть за собой дверь, – ее любовник, красавец-мужчина, атлет, победитель, оскорбил его ужасно.

Он все не мог выбросить его из головы и ревновал так, что ревность, кажется, прогшла в желудке дыру. Почему она оказалась именно там, Сергей не знал, но больно было именно в желудке и немного в голове.

Черт подери, никто, кроме него, не имел на нее никаких прав! Она принадлежала ему всю жизнь, с тех самых пор, когда он впервые ее увидел – он читал лекцию второкурсникам, аспирантов заставляли читать лекции, а она сидела в первом ряду и зевала до слез. Тогда впервые он всерьез усомнился в своих преподавательских способностях.

Сергей вдруг подумал, что, несмотря на развод, он так и продолжает считать ее своей. Если бы не Тим с его утренним воем в трубку, ему и в голову бы не пришло, что у Киры есть... любовник. Почему-то наличие Инги – Тани, Оли, Кати, Маши, Ксюши – у него самого совершенно не подготовило его к тому, что у Киры тоже может быть Саша, Вадик, Коля, Вася, Дима, Боря или даже Гена.

– Я помылся! – протрубил из комнаты их сын. – Мам, давай мне этот чертов новохренит, и я спать пойду.

– «Новопассит», – устало поправила Кира, – и не смей выражаться.

Тим пришел на кухню – в халате и нелепых пижамных штанах, торчащих из-под него, – выпил ложку темной вязкой жидкости, сморщился, запил кипяченой водой и утерся рукавом.

– Пап, – сказал он, подумав, – может, ты у нас останешься? Чего тебе ехать, поздно уже!..

– Тим! – в один голос воскликнули оба родителя, и их драгоценный ребенок понял, что лучше быстренько убраться восвояси. Хорошо хоть, не орут друг на друга, сидят тихо, как все нормальные родители.

Они думали, что он не помнит, но он помнил очень хорошо, как все было раньше, давно, он тогда еще маленький был. Эти воспоминания, самые лучшие, самые важные в жизни, он бережно и старательно прятал, любил и то и дело проверял их сохранность.

Все было в порядке, все цело.

Вот суббота, самая обычная суббота, одна из многих суббот, тогда он еще не знал, какое это счастье – такая суббота. С утра отец вез их кататься на лыжах. Они брали с собой термос, снежок, запасные валенки и свитер и катались с горы до полного изнеможения, а потом пили чай и играли в снежки, и всегда получалось так, что отец побеждал – он был сильный, ловкий и очень быстрый, и победить его в честном бою было невозможно. И тогда Тим с мамой затевали какой-нибудь отвлекающий маневр, и отец делал вид, что отвлекался, и тогда они бросались, и валили его, и прыгали на него, и он катался с ними по снегу, и они визжали и брыкались, и он все равно побеждал – всегда.

– Оставайся у нас, пап! – крикнул Тим с безопасного расстояния, юркнул за дверь и быстро ее прикрыл.

– Не обращай внимания, – пробормотала Кира, – он в последнее время какой-то странный.

– Я не обращаю, – холодно ответил Сергей. – Ты бы рассказала мне, в чем дело, Кира.

– В каком смысле? – насторожилась она.

– В смысле, что произошло сегодня вечером. Я ничего не понял. Расскажи.

– И понимать нечего, – отчетливо выговорила она, – ты все видел своими глазами. Костика убили. Приехала милиция, забрала труп и стала допрашивать меня. Все.

– Не злись.

– Я не злюсь. Ты тоже считаешь, что это я его... застрелила?

Он посмотрел с высокомерным сочувствием – как плохой врач на невменяемого пациента.

– Тебе тоже нужно принять новохренит и лечь.

– Сергей! Ты повторяешь за Тимом всякую чушь, а я потом должна объяснять ему, что...

– Почему милиция решила, что это ты его пристрелила?

– Не знаю! Но он со мной так разговаривал, этот милиционер, как будто и вправду решил, что это я. Я удивилась, почему меня не забрали! Хотя он старался быть вежливым и милым.

– Он старался не пялиться в твой вырез, – поправил Сергей мрачно.

– Что? – растерялась Кира. Посмотрела вниз и подтянула свитер повыше.

– Расскажи мне, – повторил Сергей, – все по порядку.

– Да я не знаю, что рассказывать! Днем Костик поругался с Батуриным. Очень громко. Они орали, но, когда я зашла, замолчали. Гришка сразу ушел, а Костик сказал, что ему нужно вечером со мной поговорить, ну, как обычно, когда на него находит, ты же знаешь.

– Знаю, – согласился Сергей.

– Мне это было неудобно, потому что Сергуня обещал приехать, и мне пришлось звонить, предупреждать его, что вечером будет Костик, но он все равно...

– Сергуня? – пробурчал себе под нос Сергей, и Кира неожиданно смутилась – даже ее матовая кожа в низком вырезе свитера стала розовой.

Как он умел смущать, ее бывший муж, удивительно даже!

Теперь он смотрел на нее, пристально и не моргая, как птица гриф, которую она однажды видела в передаче «В мире животных».

Кира никак не могла вспомнить, о чем говорила.

– Костик собрался приехать, и ты должна была предупредить Сергуню, что романтическое уединение отменяется, – подсказал он бесстрастно.

– Я приехала... не помню когда. Потом приехал Сергуня. Мы поужинали. Тиму ужин я отнесла в комнату. Он кривлялся и говорил, что ужинать с Сергуней не станет. Потом я стала ждать Костика, а Сергуня изучал какие-то свои бумаги. Костика все не было и не было, а потом Марья Семеновна заголосила на лестнице, я выскочила, а она почти в обмороке, и Костик... лежит. Мертвый. И кровь кругом, целое море.

Ее вдруг так затрясло, что зазвенели браслеты на запястье. Кира перехватила их другой рукой, чтобы не звенели. Сергей встал, достал из холодильника валокордин и накапал в ложку. По кухне поплыл резкий эфирный дух.

– На.

– Дай запить, – попросила она, и он почему-то сунул ей вино, оставшееся в его бокале.

– Кто вызвал милицию?

– Соседи. Михаил Петрович тоже выскочил, и я его попросила...

– Ты подходила к Костику? Трогала его?

Кира допила вино и посмотрела на бывшего мужа.

– Ты что? С ума сошел?

– Ты сразу поняла, что он... убит?

– Да! – крикнула Кира. – Да, поняла! У него вся одежда была в крови, и он лежал, и рука у него вывернулась!.. У живых руки так не выворачиваются!

– Ты трогала его, Кира?

– Да что ты ко мне пристал!

– Я не пристал. Я ничего не понимаю в убийствах, но даже я слышал про отпечатки пальцев!

– Про... какие отпечатки?

– Про такие! На нем могли остаться твои отпечатки пальцев? На портфеле, на очках, на чем-нибудь?

– Конечно, могли, – пробормотала Кира, – и не потому, что я его... трогала, а потому, что мы в одном месте работали и я сто раз брала в руки его портфель, папки, бумаги, ручки!

Сергей помолчал.

– Да, – сказал он наконец, – не слишком хорошо.

– Что не слишком хорошо?

– Все.

Кира моментально вышла из себя.

– Перестань говорить, как Эркюль Пуаро, – процедила она, – меня это бесит.

– Тебя бесит, когда я говорю, как Сергей Литвинов, тоже.

– Да, – согласилась она, – бесит. Когда ты изображаешь следователя по особо важным делам.

– Кира, мы должны во всем разобраться сами, как же ты не понимаешь?! Никто не станет выяснять, что произошло на самом деле! Если найдутся отпечатки, или следы, или не знаю что, какие-нибудь свидетельства того, что это *могла* сделать ты, они немедленно решат, что ты это *сделала* !

– Почему? – с ужасом спросила она.

Он вздохнул.

– Потому что это называется «громкое дело»! Потому что твой Костик не бомж с Казанского вокзала, а главный редактор политического журнала! Потому что завтра все газеты напишут, что он погиб в твоём доме, и никто не поверит, что ты не имеешь к этому никакого отношения! Уже сейчас никто не верит.

– А почему на лестнице его не мог поджидать... киллер? Всех больших бизнесменов и неподкупных журналистов в нашей стране на лестнице рано или поздно поджидает киллер!

– Я рад, что тебе не изменило чувство юмора, – сухо заметил Сергей после некоторой паузы, – киллеру логичнее было бы поджидать жертву в его собственном подъезде. В нашем... в твоём, – поправился он быстро, – киллеру вообще неудобно. Кодовый замок и вахтер.

Кира налила себе вина и залпом выпила.

– Ты хочешь сказать, – начала она, тяжело дыша, – что мы должны найти убийцу и подарить его милиции, иначе милиция всерьёз решит, что убийца – это я. Правильно я поняла?

– Ну конечно, – согласился он.

– Тогда мне лучше пойти и собрать вещи, – заявила Кира и налила ещё вина, – какие из нас сыщики! Из тебя особенно!..

Он не обратил никакого внимания на последнюю реплику, хотя она надеялась его задеть.

Задеть, чтобы он заорал, взбесился, чтобы стало понятно, что он выдумал все это просто для того, чтобы позлить ее, заставить чувствовать себя «маленькой преступницей», и чтоб он непременно оказался благородным героем, в духе ее сына, и чтобы она почувствовала опасность и необходимость защиты.

Впрочем, ее муж никогда не был способен на такие тонкие чувства. Он всегда был прямолинеен, как штыковая лопата.

– Я не поняла, – уточнила она на всякий случай, – ты всерьёз считаешь, что кто-то может подумать...

– Да, – перебил он, – всерьёз считаю. И ещё я считаю, что ты должна все вспомнить, все детали, все мелочи...

– Какие ещё мелочи, Сергей?!!

– Как он сказал тебе о том, что приедет, куда он при этом смотрел, не звонил ли у него телефон, не заходил ли кто-нибудь в это время, о чем он хотел с тобой поговорить, почему так срочно, почему он поссорился с Батуриным, кто ненавидел его так сильно, чтобы убить.

– Ничего себе мелочи, – пробормотала Кира.

Внезапно ей стало холодно в свитере с низким вырезом, и она потянула с дивана плед.

Плед всегда лежал на гобеленовом диване, в самом углу. Тим накрывался им, когда ему взбрело в голову пить на кухне чай и читать, и Сергей часто подкладывал его под голову. Кира готовила ужин, а он сидел на диване, если сильно уставал, подложив под голову свернутый плед, и что-нибудь ей рассказывал. Он любил сидеть близко от нее. Даже когда жизненное пространство расширилось так, что можно было существовать, почти не попадаясь друг другу на глаза, – он все равно сидел на гобеленовом диване, вытянув длинные ноги и мешая ей.

Только в последний год не сидел.

В последний год она его не выносила.

– Кира, – позвал он, – не спи! Хочешь, давай кофе сварим.

Давай сварим – на языке ее бывшего мужа означало, что должна варить именно она.

– Мне не надо никакого кофе.

– Тогда не спи и вспоминай.

– Прямо сейчас?

Сергей вздохнул. Было половина третьего.

– Ладно. Не сейчас. Сейчас действительно уже поздно, а у тебя... стресс.

– У меня не бывает стрессов, – пробормотала Кира.

То ли от вина, то ли от стресса, которого у нее не могло быть, она вдруг почувствовала, что сейчас упадет в обморок – постыдный дамский обморок в духе красавиц из романов, и Сергею придется вызывать «Скорую» и возиться с ней весь остаток ночи, а он с детства терпеть не мог врачей – боялся.

– Я... мне надо полежать, – сказала она медленно, чтобы он не понял, что она собирается упасть в обморок. – Я... пойду. Полежу.

И она пошла, и на середине дороги оказалось, что это он ведет ее, крепко придерживая под локоть, так что больно было костям.

– Пусти меня, – велела она, – я сама.

Руки и ноги сильно замерзли, как будто она долго сидела в снегу, дышалось тоже плохо, потому что этот чертов снег залепил горло и легкие, и внутри было холодно, очень холодно, и мысли были холодные, медленные и отвратительные, а потом их вовсе не стало, никаких.

Снега нет. Март кончается, и снег давно растаял.

Он растаял не только на улице, но и на Кириных руках и ногах, и замороженное горло отпустило, и стало тепло и легко, и она засмеялась во сне, потому что там наконец-то все стало на свои места, и, хотя она толком не поняла, что случилось, было ясно, что все хорошо.

Все хорошо... Все хорошо...

– Мама!!!

Откуда-то во сне взялся ее сын. Откуда он мог там взяться, Кира не знала – она ведь уложила его! Дала «Новопассит» и уложила.

– Мама!! Ты где?!

И тут она проснулась.

Утро, поняла она. Позднее.

Так, все ясно. Я опоздала на работу. Катастрофа. Конец света.

Однако оказалось, это еще не конец света. Конец света был впереди.

Она лежала на боку, прижатая спиной к кому-то, кто обнимал ее обеими руками и глубоко и беззвучно дышал. В панике она ощупала руки, как в игре с завязыванием глаз, и моментально поняла, чьи они. Она бы узнала их не то что с закрытыми глазами. Она узнала бы их, даже если бы неожиданно стала глухой, слепой и заодно потеряла обоняние и осязание.

Вот почему снег растаял так быстро! Никакой снег на свете, даже ледяной антарктический панцирь не выдержал бы температуры, которая возникала, когда ее обнимал муж.

Нет, бывший муж.

Он дышал ей в шею тепло и щекотно, как дышал много лет, и держал крепко, прижав спиной к себе, и тяжелые смуглые руки уверенно и спокойно лежали на ней, и именно поэтому она проспала остаток ночи без всяких кошмаров и чувствовала себя такой счастливой.

Господи, что это?.. Что это такое?! Это неправильно! Это неправильно от начала до конца!

Почему он... здесь?! Почему он с ней спит?!!

– Мама!! – надрылся за дверью Тим. – Мам, ты что, ушла, что ли?!

– Я не ушла, – пискнула Кира, – я еще не встала! Подожди, я сейчас!..

Это была большая ошибка. Ее сын, не страдающий никакими комплексами, радостно подбежал к двери – она слышала его приближающийся топот и зажмурилась – и распахнул ее.

– Здорово, мам! Слушай, а школу-то мы проспали... – Он замолчал на полуслове, рот у него открылся, глаза стали круглыми и блестящими, и он вдруг улыбнулся идиотской улыбкой человека, внезапно открывшего формулу счастья.

Кира застонала и сделала энергичное движение, пытаясь спихнуть с себя тяжелые руки, но не тут-то было. Бывший муж расслабленно хрюкнул, порывшись носом в ее волосах и прижал еще крепче. Голыми ногами Кира чувствовала джинсовую шершавость – слава богу, хоть штаны не снял! – а под джинсами все было набухшим и твердым, как всегда по утрам. Кире внезапно стало жарко. Так жарко, что взмокла шея.

– Тим, сейчас же закрой дверь. Я встаю. Сколько времени?

– Полдесятого. Мам, а папа...

– Тим, я не хочу никаких разговоров!

Вот что теперь ей делать?!

Что было сил она вдавила локоть Сергею в ребра, и он опять хрюкнул, на этот раз обиженно.

– Тим, быстро ставь чайник! Черт побери, мне надо на работу! Тим, закрой дверь и умойся!

– Я давно умылся, – ответил он и ухмыльнулся, как щенок. – Мам, а папа...

– Тимка!!

– Да-да. Чайник. Сейчас, только не злись!

Он прикрыл дверь и некоторое время выжидал под ней, Кира слышала, как он сопит. Потом вдруг вскричал: «Йо-хо-хо!!» – и, мелко топая, умчался в сторону кухни.

Ее тринадцатилетний сын – младенец и дурачок. Он решил, что... Впрочем, и так понятно, что именно он решил.

Ее тридцатидевятилетний муж – подлец и дурак. Он спал с ней в одной постели, он обнимал ее своими ручищами – и ножищами! – он решил, что ему все можно, раз у нее стресс!

Сейчас она покажет ему стресс!

Впрочем, никакой другой постели, кроме этой самой «одной», в квартире не было. В «другой» спал Тим. Имелись, правда, еще два современных дивана, и, для того чтобы разложить их, требовались инструкция и два специально обученных человека, вооруженные набором инструментов.

– Пусти меня, – сквозь зубы процедила Кира и спихнула наконец с себя его ногу, – пусти сейчас же!

– М-м, – сказал ее муж, – да.

Бывший, черт тебя побери!.. Бывший муж!..

Тяжелые руки напряглись и расслабились, он чуть подвинулся, освобождая ее, и, когда она уже ринулась было от него, перехватил, поймал, повернул и поцеловал. Даже глаз не открыл.

У него было чистое дыхание, горячие со сна щеки, крепкая шея и чуть-чуть заросшая грудь, прижавшаяся к Кире. Она начала брыкаться, но очень быстро перестала, потому что никогда не могла сопротивляться ему, потому что никто на свете не умел любить друг друга в постели так, как любили они, потому что на нее неожиданно рухнула ужасная мысль о том, что она невыносимо, постыдно, безумно соскучилась по нему, по его рукам, ногам, по его чистому дыханию, по его утренним поцелуям, по его натиску, когда его невозможно остановить, по всему, что получалось у нее только с ним и чего уже так давно не было.

Она погладила его грудь, и живот, и спину – у позвоночника, над самым ремнем джинсов. Она знала, что это непростое место, и он в ответ сдавленно ахнул и распахнул глаза.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Не смей извиняться, – приказала Кира тихо.
– Я и не собирался, – пробормотал он и перевел взгляд на ее губы.
– С тебя станется.
– С меня станется, – согласился он.
– Нет, – сказала Кира. – Нет, Сережка. Хватит. Мы не должны этого делать. Нам нельзя.
– Нельзя, – опять согласился он и не двинулся с места. Она чувствовала его желание и знала, что он справится с ним.

Он всегда виртуозно справлялся с собой, ее бывший муж.

Да, вот теперь правильно. Бывший.

– Ехать домой было уже поздно, – объяснил он.

– Я поняла. Мне нужно встать, Сергей. Тим уже... приходил.

– Черт побери, – выговорил он.

– Вот именно. Наверное, он решил, что мы с тобой после завтрака опять поженимся.

Что-то дрогнуло в его лице, и она быстро продолжила:

– Мне нужно быстрее на работу! Там, наверное, содом и гоморра! Если туда уже милиция нагрянула...

– Я уверен, что нагрянула.

– Нужно звонить Батурину. Господи, что теперь будет! Отвернись, Сережка!

– Зачем? – не понял он.

– Я хочу встать, – объяснила Кира. Шее опять стало жарко. – А халат далеко.

– Ты с ума сошла, – пробормотал он тихо, – окончательно.

Лег на живот и сверху положил на голову подушку.

– Так достаточно? – спросил он из-под подушки.

Неожиданно для себя Кира выхватила подушку и треснула его по заросшей темными волосами макушке.

– Вот так достаточно!

– Я не понял, – лениво протянул он и подпер подбородок кулаком, – ты со мной заиграешь, да?

– Нет, – соврала Кира решительно. Стараясь держаться очень прямо и ни на сантиметр не отклоняться ни влево, ни вправо, напряженная, как подводная лодка на боевом дежурстве, она дошла до кресла, в котором валялся халат, быстро напялила его на себя и обвязалась поясом.

Ну вот. Так-то лучше.

Думать о том, что он ее раздевал, и, может быть, трогал, и уж наверняка смотрел, было нельзя, и махровая броня халата придавала ей сил.

– Вставай, – велела она, – я сейчас приготовлю какой-нибудь завтрак, и мне надо ехать. Тебе, наверное, тоже.

– Я пока на работу не пойду, – объявил он задумчиво.

– Почему?!

– Мне нужно... разобраться в ситуации.

– В какой ситуации тебе нужно разобраться?

– В ситуации с трупом твоего начальника.

– Сереж, это вряд ли...

– Меня касается, – подхватил он, откинул одеяло и стал выбираться из постели, – мне наплевать, что именно ты думаешь. Я останусь и поговорю с людьми.

– С какими еще людьми?!

– С Марьей Семеновной, с соседями, с Михаилом Петровичем. Это он милицию вызвал?

– Не смей! – закричала Кира и топнула ногой. Халат колыхнулся, и она судорожно его запахнула. – Что ты выдумываешь? Тебе что, заняться нечем?! Ты решил играть в частного детектива?! У меня и без этого вполне достаточно проблем!

– У тебя будет целая куча проблем, если мы сами не разберемся в ситуации, – сказал он упрямо.

Господи, он упрям, как мул, ее муж!.. То есть да, да, – бывший муж. Нет, он упрям, как целое стадо мулов!

– Я могу отвезти Тима в школу, – предложил он, воздвигнувшись рядом с ней, – мне только нужно позвонить на работу, предупредить, что я не приду.

– Нет, ты пойдешь на работу!

– Нет, не пойду. Все, хватит. Иди лучше умойся, у тебя помятый вид.

– Ты просто... ты просто...

– Свинья, я знаю, – сказал он и зевнул. – Ты не видела мою майку?

Он умел выводить ее из себя как никто другой. Он точно знал, что нужно делать, чтобы вывести ее из себя. Он даже знал, когда именно она взбеленится – моментально или через некоторое время.

– Убирайся, – приказала Кира, чувствуя, что ведет себя в полном соответствии с его планом выведения ее из себя, – сейчас же убирайся вон из моей квартиры!

– Ну конечно.

– Не «ну конечно», а пошел вон!

– А, – удовлетворенно сказал он, – вот она!

И выудил свою майку. Почему-то она лежала на полу за маленьким туалетным креслицем, на котором Кира обычно сидела, когда наводила красоту.

– Сергей, не смей ни у кого ничего выяснять! Ты уедешь, а я останусь, мне с соседями всю оставшуюся жизнь жить, и я не хочу....

– Да какое это имеет значение, хочешь ты или не хочешь! – вдруг вспыхнул он и раздраженно натянул майку. Кира посмотрела – натянул наизнанку. – Все уже случилось! Костика застрелили практически на пороге твоей квартиры! Тебе *на самом деле* повезло, что тебя не забрали в КПЗ еще вчера! А ты все выламываешься, все какие-то высокие чувства изображаешь! Ты что, думаешь, мне охота заниматься всем этим дерьмом с твоими начальниками и любовниками?! Да провались они все пропадом!

Кира тяжело дышала, и ей уже было наплевать на то, что халат расходится на груди.

– Уезжай сейчас же, – медленно, контролируя себя, произнесла она, – или я вызову милицию и скажу, что это ты застрелил Костика, потому что ты – маньяк.

– Давай, – разрешил он, – вперед.

– Мама!! Яичницу жарить?

– Сергей, я говорю совершенно серьезно.

– Я тоже, – нащупав на плече толстый шов, он рывком сдернул через голову майку и снова натянул, и снова наизнанку, – я буду делать то, что мне нужно, и мне, честное слово, наплевать, что именно об этом подумает Михаил Петрович!

– Пап, ты будешь яичницу?!

– Да, Тим, – откликнулся он преувеличенно громко и снова содрал свою майку.

– Тебе с сосиской?

– Да. С сосиской. Если ты не понимаешь, что сама должна разобраться в ситуации, значит, ты просто дура.

– Хорошо, дура, но я сто раз просила тебя не лезть в мою жизнь!

– Я не лезу. Мне наплевать на твою жизнь. Но у нас ребенок, который живет с тобой. Я не желаю, чтобы у него на глазах его мать отволокли в тюрьму! Он и так...

– Что – так?

– Он и так... живет плохо, – почти прорычал Сергей.

– И кто в этом виноват?

– Ты, – выпалил он, – ты и твой козел, которого он ненавидит!

Кира, которая уже давно подумывала, не швырнуть ли в бывшего супруга каким-нибудь предметом потяжелее, вдруг внимательно на него взглянула. Он отражался в зеркале и даже не догадывался, что Кира его изучает.

У него был абсолютно несчастный вид, как у собаки, которую побили неизвестно за что. В глазах отчаяние. Отчаяние выражал даже длинный нос.

Что это с ним такое приключилось?! Только что, пять минут назад, он был довольный и счастливый и даже томным голосом справлялся, не заигрывает ли она с ним!

Кира была женщиной очень умной, по крайней мере, ей нравилось думать, что она очень умная. Кроме того, именно за этим человеком она пробыла замужем пятнадцать лет.

– Сережка, – спросила она нормальным голосом, отвернувшись от него зеркального и посмотрела на него настоящего, – ты что, ревнуешь?!

Ее муж никогда не врал. Была у него такая черта. Он никогда не врал *ей*, даже в личных целях, даже для того, чтобы выглядеть лучше, чем на самом деле, даже когда вранье могло спасти его от ее гнева или от очередного скандала.

Он не врал *никогда*.

– Да! – выпалил он, как будто плюнул ей в лицо. – И не смей мне говорить, что это глупо и что твоя личная жизнь меня не касается!

Кира даже представить себе не могла, что ревность ее мужа – да, да, бывшего! – доставит ей такое удовольствие. Раньше он никогда ее не ревновал, даже когда следовало бы. Она считала – это оттого, что он равнодушный.

Или он ревновал, только она не замечала?..

– Я боюсь, – вдруг призналась ему Кира, – ужасно боюсь, что они решат, что это... я. Даже думать об этом боюсь.

Он бросил свою майку, которую переодевал уже в третий раз – она опять свалилась за креслице, – подошел и обнял Киру. Он всегда ее так обнимал – двумя руками за голову, так что щекой она оказывалась прижатой к его плечу, и мир вокруг суживался до его плеча и рук, которые держали ее голову.

– Разберемся, – сказал он негромко, – хотя, конечно, все не слишком хорошо. Но... разберемся.

Это было самое странное утро за последние несколько лет.

Они даже не поссорились, когда Тим заявил, что в школу не пойдет, раз уж все равно опоздал, и Сергей произнес что-то назидательное и очень отцовское, содержащее выражения «балду гонять» и «репу чесать», а Тим в ответ рубанул «ясным перцем». Ему было очень весело. Маминого начальника он жалел, конечно, но для него происшедшее было приключением, кроме того, хитроумный и тонкий план по примирению родителей и поселению их на одной территории работал даже слишком хорошо, и Тим страшно озаботился тем, чтобы нигде ничего не заело и не сбилось.

Кира стояла уже в дверях, когда прибыла Валентина.

В замке завожился ключ, Кира вздрогнула и уронила портфель, в котором копалась. Портфель грохнул всеми своими внутренностями и повалился набок.

– Доброе утро! – провозгласила Валентина насморочным голосом. В нем была непередаваемая театральная печаль. Когда-то Валентина занималась в художественной самодеятельности и блистала в роли панночки по повести Николая Васильевича Гоголя. – Какое несчастье, какое страшное, ужасающее несчастье!.. Такой милый, милый молодой человек, и такая ужасная, кошмарная смерть! Вот оно, наше время!.. Жить страшно!

На последних словах она сильно вздрогнула, повела очами и слегка прикрыла их лиловыми веками. Кире хотелось, чтобы она поскорее захлопнула за собой дверь, не демонстрировала бы соседям свою вселенскую скорбь!..

– Доброе утро, Валентина. – Кира проворно подняла с пола портфель и снова стала в нем копаться. – Да где же этот чертов телефон!..

– Такое утро не может быть добрым! – строго поправила ее Валентина. – Боже мой! Бедный мальчик!..

– Да.

– Как несправедливо и расточительно обходится жизнь с самыми лучшими!..

– Да. Тима, ты не знаешь, где мой телефон?!

– Я знаю, – сказал Сергей, – ты его вчера сунула в банку с кофе. Держи. Здравствуйте, Валентина.

Та ахнула и зажала рот рукой, как будто средь бела дня увидела привидение.

«Единственное в мире привидение с мотором!» – вспомнилось Кире.

– Сергей Константинович, – воскликнула Валентина полусшепотом, – вы ли это?

– А это вы, Валентина? – таким же полусшепотом осведомился Сергей. – Я позвоню тебе, – сказал он Кире, – если придет милиция и ситуация... выйдет из-под контроля, звони мне на мобильный. Обязательно. Ты поняла?

– Поняла, – согласилась Кира. Необыкновенное утро кончилось, и что там будет дальше, она даже представить себе не могла.

Все-таки хорошо, что Тим его вызвал и он остался ночевать. Если бы она оказалась одна этой ночью, утром ее можно было бы смело везти в психбольницу.

– Сергей Константинович, вы пришли, чтобы поддержать нас в трудную минуту? – пафосно спросила Валентина. – Ах, как все мы беззащитны перед лицом смерти! Она находит нас в самом расцвете сил и...

– Замолчите, – приказала Кира, – немедленно замолчите!

Та испуганно умолкла.

Валентина была домработницей. Она работала у Киры уже много лет и, сколько Кира помнила ее, всегда выглядела одинаково – в лиловом берете, с лиловыми веками и губами и в неизменном клетчатом пальтишке. Она была «романтической натурой» – в первый день весны непременно приносила букетик «подснежников» – несколько чахлых бледнолицых былинков, которые наглые продавцы выдавали за весенние цветы, – и подсовывала их всем под нос и требовала, чтобы вдыхали «ароматы грядущей весны». Все послушно вдыхали. Затем следовала ветка цветущей яблони, затем кисточка сирени, затем астры, с декламацией: «Я пью за военные астры, за то, чем корили меня...» Когда она провозглашала: «За рыжую спесь англичанок», то всегда поворачивалась к Кире и подмигивала ей, словно подтверждая, что она-то, Валентина, отлично осведомлена о том, кто здесь «рыжая спесивая англичанка», хотя Кира никогда не была рыжей, да и на англичанку тянула с трудом. Когда Кира и Сергей развелись, Валентина «до ужаса» переживала, проливая слезы над Тимом и успокоилась, только «решив для себя», что Сергей – злодей и тиран и «бедной малютке» Кире ничего не оставалось, как бросить его и «начать новую жизнь».

Как себя вести, когда «злодей и тиран» обнаружился с утра в квартире «бедной малютки», она не знала и на всякий случай испугалась.

При всем этом она была чистюлей, искренне любила Тима, в первом классе даже помогала ему учить уроки и рисовать северного оленя в тетрадь по природоведению, пекла потрясающие пироги и куличи на Пасху, носила их святить, возвращалась просветленная и торжественная, накрывала стол с окороком, крошечными пирожками, крашеными яйцами и букетиком гиацинтов посередине и объявляла «пасхальный завтрак», а до этого самого завтрака откусить от кулича позволялось только Тиму, и вообще жила исключительно *интересами семьи* – семьи Сергея и Киры, когда та еще у них была.

Своей личной семьи у Валентины никогда не было.

– Валентина, Тим сегодня в школу не пошел, потому что мы все проспали. Проследите, чтобы он позвонил Илье и узнал у него уроки. Сергей Константинович пока остается здесь.

– Он будет обедать? – немедленно спросила домработница, которая даже в трагическом пафосе не забывала о своих обязанностях.

– Я не знаю, вы с ним это потом решите. Если будут вопросы, звоните мне на работу. – Тут ей пришло в голову, что с работы ее могут увезти в милицию. – Или на мобильный телефон.

– Мам, пока, – протрубил Тим, – я уроки узнаю, не переживай!

Кира, уже в ботинках и короткой курточке, вбежала к нему в комнату – он загружал компьютер, ясное дело! – быстро поцеловала и перекрестила.

– Не смей сидеть весь день в пижаме! – напоследок сказала она, и каблучки истерической дробью простучали по полу.

Все. Ушла.

Сергею вдруг стало обидно, что она оставила его одного. То есть, конечно, с ним остался его сын и экзальтированная домработница, которую он побаивался, но Кира ушла, и он теперь один.

Так было всю жизнь – она уходила, а он страдал, даже если все было наоборот, даже если он уезжал в командировки и на конференции, все равно ждал, скучал, томился именно он.

А она? Он даже и не знал толком.

Мысль о том, что она попала в переделку, доставляла ему почти удовольствие. Костика жаль, конечно, но Сергей слишком мало его знал, чтобы печалиться по-настоящему. А не по-настоящему все это напоминало передачу «Криминальный дневник», чувство он испытывал соответствующее – осторожно-зрительское.

Кому могло прийти в голову, что его жена – его бывшая жена! – способна выстрелить из пистолета в сердце своему начальнику, а потом спокойно вернуться домой к Тиму и ужину?! Кира, которая, несмотря на всю внешнюю холодность и уравновешенность, жалела всех бездомных собак и плакала над фильмами с плохим концом!

Марью Семеновну, «героиню дня», он нашел очень быстро. Она сидела в своей стеклянной будочке на первом этаже и не моргая смотрела, как отрываются пузырьки от витой пружины кипятильника. Марья Семеновна еще «не сменилась с ночи, а сердце с вчера прям надвое раскалывается», объяснила она Сергею.

– А вы что, Сергей Константинович, – спросила она, скорбно сморкаясь в гигантский носовой платок, – как вчера приехали, так и не уезжали?

Взгляд, которым она прошла по Сергею поверх платка, был остреньким, кое-где даже колющим.

«Да, – подумал Сергей. – Не Марья Семеновна, а рентген».

Вчера, когда он приехал, она была почти в обмороке, сидела на ступеньках и обмахивалась газетой, а ее дрожащий от застарелого алкоголизма и возбуждения супруг держал перед ней кружку с кипятком. В том, что там именно кипяток, Сергей был совершенно уверен – от кружки шел пар.

– Так и не уезжал, Марья Семеновна, – признался он почти весело – ее тигриная наблюдательность давала надежду на то, что она сможет ему помочь: – Это ведь вы нашли... его, да?

Марья Семеновна вынырнула из платка и взялась за сердце.

– Я, – призналась она и повела мясистым, в прожилках, носом, – я, Сергей Константинович! Господи, да что ж это делается, когда среди бела дня...

– Почему среди дня, – быстро, пока ее причитания не зашли слишком далеко, спросил Сергей, – ведь был уже вечер!

– Да ведь такая жизнь, Сергей Константинович, что никогда покоя нет, ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером! Из дому страшно выйти! Да и выходить не надо, вот в подъезде-то и прикончили! Совсем ведь молодой и такой видный мужчина! Знакомый Кирочкин,

да, Сергей Константинович? Я ж его несколько раз видала, он приезжал, еще когда вы жили! Да, Сергей Константинович?

Марья Семеновна явно была не промах, и сердце, которое «раскалывалось надвое», нисколько не мешало ей продолжать наблюдение.

– Это ее начальник, – объяснил Сергей доверительно. – Так во сколько вы его нашли?

– Да ведь милиция спрашивала у меня, а я говорю, что точно-то не могу сказать, потому что как я глянула на него, как зашло у меня все внутри, так и не помню, что со мной дальше было! Помню только, что Кира меня усадила прямо на площадке, в кресло усадила, недавно поставили кресла-то, когда у этого бандюгана жена забеременела, чтоб, значит, ей легче ходить, а в домоуправлении мне сказали, что кресла все он на свои деньги купил и поставил, а они-то живут на третьем этаже, а кресла по всем площадкам, а я думаю – зачем они по всем площадкам, если жена его выше третьего этажа никогда не всходит?!

Сергей вытаращил глаза. К креслам, площадкам и беременной жене бандюгана он готов не был.

– Какой... бандюган? – спросил он осторожно. – У нас в подъезде вроде бы...

– Да точно я вам говорю, что бандюган он, – затараторила Марья Семеновна, – здоровенный такой бугаище, и машина у него бандитская, и эти... – тут она энергично потыкала двумя пальцами себе в глаза, – ...стекла темные! Прячется он от людей, боится им в глаза смотреть! А к жене заботливый, кресла, вишь, купил!

– Какой бандюган? – повторил Сергей растерянно.

– Да этот, этот, – зашептала Марья Семеновна, – вот этот самый, смотрите! И на улице его то и дело поджидают! Сядут и покаты!

По лестнице неторопливо и вальяжно спускался широченный, наголо бритый атлет с черном костюме и очень темных, почти слепых, очках. В одной руке он нес черную сумку, а второй легко касался полированных перил. Сергею показалось даже, что он насвистывает себе под нос.

– Лифт не работает, – негромко сказал он, чуть-чуть не дойдя до Сергея с Марьей Семеновной. – Бригаду вызвали?

– Вызвали, вызвали, – заспешила Марья Семеновна, чуть не кланяясь в пояс, – в течение часа, говорят, все исправим, приедем и все исправим.

– Я вам позвоню, – то ли пригрозил, то ли пообещал бритоголовый. – Здорово, Серега. Ты че? Не узнаешь?

И тут он весело сдернул свои очки.

– Ну, ты мастер перевоплощения, – так же негромко восхитился Сергей и с удовольствием пожал здоровенную ручищу, – не узнал даже. А ты чего здесь? Ты же был в Канаде?

– Я в Канаде и остался, – отозвался бритоголовый. – Ленка говорит: «Давай съездим, хочу к маме, а то потом, перед родами ты ж не повезешь!» Беременная она у меня, Ленка-то!

Тут он расплылся в такой улыбке, что на резиновых щеках прорисовались очаровательные мальчишеские ямочки, шевельнулись уши, лоб собрался складками, а лысина засверкала, отражая свет.

– Мальчик у нас будет, Серега! Маль-чик! Приезжай, когда родим. Бери свою Киру с папаном и приезжай! Ты че, обратно к ним вернулся?

Сергей промолчал, и бритоголовый проявил невиданные чуткость и такт, да и Марья Семеновна ловила каждое слово, так что даже забыла про кипятильник, и вода давно и бурно плескала из литровой банки на подстеленную газетку.

– Ну, извини, – сказал бритоголовый со слоновьим сочувствием. – Слушай, ты в курсе, какой у нас ночью шухер был? Менты приезжали, «Скорая», все дела! Да это на вашем этаже где-то! Ленка всю ночь не спала, я уж хотел идти скандалить, блин!

– На нашем, – согласился Сергей, – а ты, часом, ничего не видел подозрительного, Данила-мастер?

– Знаешь, как меня зовут эти козлы из НХЛ? – доверительно спросил тот и наклонился к Сергею, как будто собирался сообщить некий большой секрет. – Дэн! А?! Ты слышал?! Данила Пухов – Дэн!

Тут он зашелся тяжелым смехом и стал утирать глаза, так весело ему было, что «козлы из НХЛ» зовут его Дэн.

Сергей переждал приступ его веселья.

– Ну так как? Не видел?

– Чего?

– Ничего подозрительного не видел?

– Да ты че, больной, Серега? Я приехал в одиннадцать, прямо с базы, вижу – цветомузыка, менты, люди какие-то! Ну, думаю, все, приехали, сейчас Ленку мне до смерти перепугают! Зачем, блин, думаю, мы сюда приперлись? Лучше бы мамашу в Канаду вызвали! Ленке, конечно, хотелось, а она у меня беременная, как ей откажешь-то... – Лысина опять засверкала, ямочки опять обозначились отчетливо, взгляд стал маслено-умильным.

«Вот черт возьми, – подумал Сергей с тоской. – Ничего он мне не расскажет. Он вообще ничего не соображает, кроме того, что у него «Ленка беременная».

– Лифт не работал ни хрена, я пешком. Дошел до вашей площадки, просто так, чтобы мне знать, хоть что случилось, потом увидел кровь и белый контур тела на полу, ну, думаю, все как в кино – трупы и кровь заказывали? Щас будет! Ну, и домой пошел. Ленка все равно все знала. Насилу я ее успокоил и спать уложил. Она меня даже отпускать не хотела, – с невероятной гордостью добавил Данила. – Говорит, не ходи никуда, говорит, боюсь за тебя!

– А она вчера целый день дома была?

– Вроде да. А что?

– Я хотел спросить, может быть, она видела, кто из подъезда выходил? Или входил? Чужой, не наш.

– А че, – негромко спросил Данила, – менты на Киру, что ль, валят?

– Я не знаю.

– А ты че? Не отмажешь, что ли?

– Я постараюсь, – пообещал Сергей, – только неплохо бы выяснить, кто у нас в подъезде людей убивает.

– Да это не из наших, – сказал Данила убежденно, – у нас тут отморозков нет, все люди приличные, сам знаешь.

– Знаю, – согласился Сергей.

– Я бы тебе помог, – извиняющимся тоном добавил Данила, – да времени у меня нет. Мы через две недели обратно отваливаем, а пока я, как кенгуру в пампасах, скачу.

– Ясно.

– А с Ленкой поговори, конечно. У Ленки моей глаз-алмаз, под землю видит. Так вызвала ты ремонтников, мать? Или нет?

– Вызвала, вызвала, – запричитала Марья Семеновна, – уже должны быть! Как не вызвать, вызвала, конечно! Починют, починют они лифт, будьте покойны!

– Ну, бывай, Серега! – попрощался Данила и с размаху стиснул Сергею руку. – Про Канаду – я всерьез приглашаю. Я всегда все всерьез делаю.

– Спасибо.

– Кире привет передавай. Вернись к ним, и пусть она тебе еще девочку родит! – Очень довольный своим чувством юмора, Данила Пухов жизнерадостно захихикал и пошел к двери, помахивая черной сумкой.

– А машина у него – страсть божья, – просвистела из-за спины Марья Семеновна, – ужась одна, танк, а не машина, и сам он как пить дать бандюган! И чой-то он с вами вежливый такой, Сергей Константинович?

– Да никакой он не бандюган! – весело запротестовал Сергей. – Он хоккеист. Знаменитый. Звезда мирового спорта. Вы разве его по телевизору никогда не видели? У вас муж хоккей не смотрит? Он уехал лет семь назад и с тех пор приезжает сюда на несколько дней каждый год. Мы в этот дом вместе въезжали, еще когда никакого элитного жилья в природе не было!

– Да врет он все, – с истовой убежденностью проговорила Марья Семеновна, – подделывается он! Бандюган он! Он вчера небось и убил дружка жены вашей, Сергей Константинович!

– Начальника, – поправил Сергей. Следовало непременно убедить Марью Семеновну, что Костик именно начальник, а не дружок.

– Он сказал, что в одиннадцать приехал, а ведь наврал, наврал, Сергей Константинович! Как же в одиннадцать, когда я сама его видала в восемь, вот те крест!

– В восемь? – переспросил Сергей. – Данилу?

– Вот те крест святой, видала! Как входил, не видала, врать не стану, а вот как выходил – видала. Сел на свой танк и покатыл, покатыл!... Зачем он наврал, если дружка не он прикончил, а?

– Начальника.

– Ну да, ну да, хоть бы и начальника!

– А кто еще входил, Марья Семеновна? Или выходил?

– Чужой никто не входил, вот те крест святой! Только ведь я не стражник, я к дверям-то не приставлена, может, и пропустила кого! А выходить... Да почти никто и не выходил! Время такое, все только со службы воротились и по домам сидели. Валентина ваша выскочила. «До свиданья, – говорит, – Марья Семеновна, до завтра!» Вежливая она у вас больно. Вот бандюганище этот. А еще... нет, не знаю. Мальчонка из восьмой с нянькой прошел, эти вроде на детскую площадку. Ночь на улице, а нянька его на улицу тащит! Конечно, когда мать с утра до ночи груши околачивает, так мальчонка и по ночам... Бабулька Евсеева спустилась, это уж после восьми, куда после!...

– А труп вы во сколько нашли, Марья Семеновна? – нежно спросил Сергей.

Вахтерша задумчиво бросила в банку щепотку чаю, и от банки сразу пошел дух, как от пропаренного веника. Чай, очевидно, был самый что ни на есть натуральный.

– Вот не скажу точно, Сергей Константинович, – призналась она с сожалением, – у меня внутри как все взнялось, как от огня, Кира, значит, усаживает меня, а жилец из одиннадцатой квартиры, Михаил-то Петрович, говорит: «Ну, я за милицией пошел», а во сколько... Нет, точно не скажу.

– А Михаил Петрович откуда взялся?

– Так я закричала, со страху-то, – тут Марья Семеновна от души перекрестилась, – выскочила Кира, и Михал Петрович за ней. Чуть мне все нутро не отшибло, как увидела, как он лежит, и кровь вокруг черная! Сколько живу, такой страсти не видала! Вот в пятьдесят восьмом мне было двадцать лет, и пошли мы с подругой на пруд купаться. Молодые были, и все нам хотелось ночью искупаться-то. А тогда жизнь другая была, по ночам все спокойно, мы и пошли. А дорога мимо кладбища. Вот так все в горку, в горку, а потом...

– Спасибо, – сказал Сергей. Слушать про молодость Марьи Семеновны он никак не мог, даже из соображений политеса.

– А вам зачем знать, кто приходил, кто не приходил, – жарко спросила Марья Семеновна, – вы, видать, милиции-то не верите, а, Сергей Константинович? И я не верю, от нисколечко не верю! Я как увидела Юрку, участкового, ну, думаю, бог мне судья, а только этот самый Юрка еще хуже бандюган, чем хоккеист ваш. Его, Юркина, мамаша, Зоя Петровна, самогон еще тогда гнала, когда постановление ЦК вышло и по всем квартирам ходили и аппараты искали, а они, хитрые, в эвакуации, в Мордовии их научили...

– И больше никто не приходил и не уходил, – подытожил Сергей, – Данила в восемь часов. Потом Валентина, потом няня с ребенком, потом старушка Евсеева. Правильно?

– Ну, и этот еще, – небрежно сказала Марья Семеновна, – который к Кире-то ходит. Интерес ее. Видный такой мужчина, серьезный, с порфелем всегда, вежливый. Да вы его знаете или нет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.